

...Только любовью спасены будете

Дочь
мадам Бовари

Роман

НАТАЛИЯ
МИРОНИНА

Наталия Миронина
Дочь мадам Бовари

«ЭКСМО»

2014

Миронина Н.

Дочь мадам Бовари / Н. Миронина — «Эксмо», 2014

Легкий аромат духов – это все, что Берта запомнила о матери. Обманутая в своих чувствах, та много лет назад совершила самоубийство. Слишком яркая. Слишком талантливая. Слишком решительная. Так говорили родные о матери Берты. Девушка им верила, но еще больше она верила в себя – в свой успех и свои победы. Холодная, расчетливая, циничная, Берта на пике карьерного взлета теряет все. И тут в ее жизни появляется он – мужчина, которого когда-то слишком сильно любила ее мать...

© Миронина Н., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

Часть I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Наталия Миронина

Дочь мадам Бовари

«...И смерть от любви принесет любовь». Ах эти старые, загадочные предсказания. Сбываются ли они хоть иногда?! И если сбываются, то вспомнят ли о них те, к кому эти слова были когда-то обращены?

Часть I

В литературе, как и в любви, мы бываем удивлены тем, что выбрали другие.

А. Морца

«У меня вырастет прекрасный ребенок, потому что я никогда не буду иметь к нему претензий», – Лариса наблюдала за маленькой дочкой. Та закопала в нежный юрмальский песок все, что нашла в их пляжной сумке: две кепки, пластмассовый стакан, старую, потрепанную книжку Ф. Саган и большую клетчатую косметичку. Каждый предмет был погребен под песчаным холмиком, на вершине каждого – водружена сосновая шишка. На макушке девочки торчал хвостик, к щекам прилипли песчинки. Мордочка была серьезной, словно малышка решала какую-то сложную задачу.

– Котенок, давай-ка откапывай наши сокровища! Обедать пора, пойдем домой. – Лариса приподнялась и оглядела пляж. День был будничным, на пляже пустынно и ветрено. По берегу носились облачка тумана, а море гудело где-то у горизонта, там, где виднелись белые шапки плоских волн. Людей в такие дни на взморье было мало, поэтому Лариса и любила брать выходной в середине недели. Дочка с няней Марите все лето жили на даче в Лиелупе. Лариса приезжала к ним, как только позволяла это сделать хлопотная, с ненормированным рабочим днем журналистская деятельность. Девочка этим приездам радовалась первые полчаса, пока распаковывались подарки. Потом выяснялось, что баловства с мягким и податливым тестом, кусочек которого ей выделяла няня Марите, когда пекла пироги с ревенем, не будет, не будет и долгих прогулок в дюнах. Мама сначала расспросит Марите про аппетит дочки, потом поведет их на море, а там будет учить с малышкой буквы и цифры. Дочка терпеть не могла старый букварь со страшным, как кочерга, Буратино на обложке.

– ...Мам, а ты сказки про черта знаешь? – дочка месила прохладный песок.

– Чертей нет, – мама нетерпеливо посмотрела на нее.

– Есть, они жили в старом сарае, за домом хозяйки.

– Какой еще хозяйки?

– Раньше здесь была хозяйка, и все домики ее были, а потом уже мы тут стали жить.

«О господи, зачем Марите морочит ребенку голову этой политэкономией!» Лариса вздохнула. Действительно, дачи, теперь принадлежавшие профсоюзу, до войны были собственностью большой латышско-немецкой семьи. От семьи осталась только старая, но крепкая тетка, которая занимала солидный трехэтажный дом и в промышленных масштабах выращивала красную смородину. Дачи раньше сдавались внаем, а сейчас их заселяли молодые сотрудники молодежной газеты и их ближайшие родственники. Родители трудились на ниве агитации и пропаганды, а бабушки и дедушки сидели с детьми. Только у Ларисы была няня, и то потому, что ее родители жили в другом городе, а старая Марите, одинокая соседка по рижской квартире, стала почти родственницей. Семья Ларисы – она, дочка и Марите, занимала теплую застекленную террасу и комнату. Кухня, по общей договоренности с соседями, разместилась

на «холодной» террасе. Там, кроме плиты, стояли кухонные шкафы и огромный стол, за которым по вечерам в выходные дни собирались обитатели дома. Здесь было место для маленьких праздников – большие отмечались прямо на берегу моря или в дюнах.

Наконец дочка откопала вещи, Лариса отряхнула песок, и, взявшись за руки, они пошли к даче. Белый песок сменился узкими дощатыми помостами, ведущими наверх, на дюны. Там, под соснами невероятного сине-зеленого цвета, начиналась другая тропинка, аккуратно заасфальтированная, по которой всегда неспешно гуляли отдыхающие, носились велосипедисты и степенно передвигались внимательные молодые мамы. Лариса ступила на эту дорожку и вдруг вспомнила, как в детстве папа учил ее кататься на велосипеде на крыше старого бомбоубежища, где был разбит детский сквер...

Когда Лариса с дочкой дошли до дачи, было уже три часа дня.

Малышка забралась на высокий стул, взяла в руку ложку. Ее лицо выражало нетерпение. «Это же надо, у меня ест из-под палки, а у Марите – суп с перловкой за счастье почитается». Обед был простым и вкусным, впрочем, после моря казалось, что съесть можно все. Марите на закуску подали немного копченой салаки, суп был перловый с говядиной, а на второе – большие картофельные котлеты со сметаной.

«Да, на таком меню ни в одну юбку не влезешь, а еще десерт!» Лариса посмотрела на большую пиалу с густым вишневым киселем. Этот кисель, насыщенный, кисло-сладкий, Марите подавала со взбитыми сливками. Дочка ради такого «третьего блюда» могла съесть что угодно. После обеда Лариса сделала вялую попытку собрать со стола посуду, но в конце концов махнула рукой и устроилась спать рядом с дочкой. Громоздкая, громкая и не очень ловкая Марите вдруг сделалась невидимой и неслышной, как та фея, что скользит с цветка на цветок. Уткнувшись в плечо дочери, Лариса закрыла глаза. В голове крутились обрывки разговоров, отрывки воспоминаний, потом все это заслонило лицо, такое дорогое, любимое, но сердце почему-то сжалось. Лариса крепко обняла дочь и заснула тем дневным сном, который у взрослых считается самым большим наслаждением и роскошью, а для детей является необходимым...

В старый немецкий дом на улице Яня семья Ларисы въехала случайно. Молодые специалисты Гуляевы, приехавшие по путевке комсомола в Латвию для налаживания оборудования на завод ВЭФ, должны были поселиться в новеньком пятиэтажном доме на другой стороне Даугавы. Там, в почти пригородном микрорайоне, строилось современное жилье. В Риге, особенно в ее старых районах, топили печи, у каждой квартиры был свой подвал, куда каждый месяц завозили торфяной брикет, а профессия трубочиста была почетной и хорошо оплачиваемой. В первый месяц, пока устраняют недоделки и сдадут дом, семью за счет завода поселили в гостинице «Метрополь». Молодые родители почти не замечали всех тех удивительных вещей, которые их окружали. Огромные павильоны старого рынка с неоновыми надписями *galo* – мясо и *riēpa* – молоко, краснокирпичный силуэт старого собора, светящиеся рекламы на латинице – все, что создавало впечатление чего-то иноземного – все это они проглядели из-за недосыпа и усталости. Лариса была ребенком беспокойным. Мать Ларисы уже в нетерпении считала дни до долгожданного переезда, как вдруг отца вызвали в местком и попросили занять квартиру в старом фонде.

– Господи, да мне уже все равно, – махнула рукой мама Ларисы, – куда угодно, только бы свое!

Они въехали. И ни разу за всю свою жизнь об этом не пожалели. Квартира находилась в самом сердце старой Риги, на улочке шестнадцатого века, состоящей всего из четырех домов. Одна стена соседствовала с домом причта, рядом была церковь Святого Яна, старая крепостная стена Янова двора, а уж совсем знаменитой улица стала, когда ее оккупировали киношники –

здесь снимались сцены нашумевшего фильма «Щит и меч». Все жители тогда повисли на своих подоконниках и с замиранием наблюдали за молодыми красивыми актерами. В квартире было три огромных комнаты, пять изразцовых печей, кухня с настоящим каменным полом, холодная комната для хранения продуктов и черная лестница. Мать Ларисы, женщина практичная, хозяйство наладила быстро. Договорилась с истопниками, а такие были в каждом доме, о том, чтобы они приходили каждое утро и топили печи, молодая соседка по лестничной клетке, приехавшая с дальнего латгальского хутора, та самая Марите, согласилась сидеть с ребенком. Квартиру они отремонтировали, сохранив при этом всю индивидуальность старого дома, накупили тяжелой мебели, чугунных светильников, продаваемых в художественном салоне «Максла» и зажили счастливо. Родители влюбились в этот город, каменный, островерхий, приправленный зеленью старых дубов. Лариса говорить по-латышски начала раньше, чем по-русски. Отец с матерью вечерами, после работы брали ее на прогулки, сидели в кафе и благодарили судьбу за то, что она привела их сюда.

С отцом Лариса любила ходить в самую большую кондитерскую на улице Ленина, где они покупали марципановых зверей. Лариса их долго рассматривала, а потом начинала откусывать по маленькому кусочку. К моменту, когда они оказывались у подъезда своего дома, конфета была съедена. Большой универмаг рядом с их домом она не любила. Там было шумно, много людей и пахло всем сразу. На первом этаже были продуктовые отделы и знаменитая рижская кулинария. Здесь продавалось все – от знаменитого пипаркукас – имбирного печенья, до жареной корюшки и миног. Но над всеми запахами царствовал один, который было невозможно заглушить и прелесть которого Лариса оценила много позднее. Здесь пахло свежим кофе. Лариса смотрела, как мама осторожно отпивает черно-коричневый огненный напиток из маленькой чашки и аккуратно откусывает пирожное. Папа пил кофе без пирожных, но с конфетами – маленькими шоколадными бутылочками, из которых выливалась пахучая жидкость – коньяк. Ларисе брали молочный коктейль и огромную шапку безе. Это семейное мероприятие было самым запоминающимся. Родители весело перемигивались, непонятно шутили, но Лариса тоже закатывалась в хохоте.

– Я тоже хочу такую бутылочку, – смеясь, просила она.

– Это папины конфеты, – говорила мама, улыбаясь.

Так это и осталось с детства – конфеты с ликерами и прочими спиртными начинками она называла «папиными конфетами».

И школа, и университет прошли как-то быстро и весело.

– Видишь ли, – говорил отец, – все латыши знают русский, но не все русские – латышский. Это неправильно, учи язык страны, в которой живешь.

На работу, в редакцию молодежной газеты, Ларису взяли сразу после университета – она была местной, отлично знала особенности взаимоотношений населения и была на редкость обаятельной. Ее внешность – статная шатенка с высокими скулами и зелеными глазами, как-то сразу располагала к себе. Манера держаться выдавала в ней человека немного замкнутого. Родители, считавшие, что отличное воспитание страхует от всяких неожиданностей, научили ее сдержанности.

Задолго до того, как почти отличницу, выпускницу Рижского университета Ларису Гуляеву радостно встретили в газетной редакции, случились события, о которых впоследствии мама Ларисы говорила примерно следующее:

– Великий Фридрих был прав, считая основой педагогики принцип «раздачи боли». Секли бы дочь – не наделала бы она глупостей.

Впрочем, это была лишь «фигура речи». Сечь свою дочь они никогда бы не посмели, а переживали из-за скоротечного, как балтийское лето, брака дочери. Родители к тому времени перебрались жить на юг, в Сочи. Этого потребовало здоровье матери. Лариса, которая

тогда собиралась поступать в университет, была девушкой серьезной и послушной, и родители, почти не колеблясь, оставили ее хозяйничать в рижской квартире. Правда, мать, поохав, провела с ней долгую беседу о том, как должна вести себя взрослая девушка, чего следует бояться и чего ни в коем случае не допускать, и успокоилась только тогда, когда отец сказал:

– Ну, какая разница? Ну, поехала бы она поступать в институт в другой город, жила бы в общежитии? Что, это было бы лучше?! Так хоть в собственной квартире будет жить.

Студенческая жизнь в Риге по традиции имела ярко выраженный корпоративный характер. Во-первых, во всех учебных заведениях были какие-то клубы, спортивные команды, музыкальные или театральные студии. К костюму студента традиционно полагалось что-то, с гербом учебного заведения – в Рижском университете это были галстуки для ребят и шейные платки для девушек. Принадлежностью к той или иной студенческой корпорации гордились и обязательно ее подчеркивали. Приезжавшие в гости студенты из других республик не переставали удивляться этому – во многих других учебных заведениях начальство так боялось студенческой вольницы, что запрещали даже местные КВН. Лариса на курсе была в меру активной – ей больше нравилось учиться, чем проводить время в веселых, но бесперспективных развлечениях. Подруг у нее было немного – она, если этого не требовало дело, сходилась с людьми медленно, осторожно. Но уж если дружила, то почти жертвенно. Было в ней такое, не совсем удобное человеческое качество – отдавать так много, что тот, кому это предназначалось, не знал, что с таким богатством делать. А если учесть, что подобной щедростью наделены не все, и ответить тем же не всегда удавалось, то отношения порой гибли, словно залитый водой цветок. По сути, у Ларисы была одна-единственная подруга, школьная, с которой встречаться часто они не могли, поскольку занятия на первом курсе были весьма интенсивными. Когда же у Ларисы появилось чуть больше свободного времени, она сразу же вышла замуж. Это случилось на втором курсе, дочка родилась через пять месяцев – в ЗАГСе невеста была уже в платье для беременных.

Роман с Айвором Лепиньшем, аспирантом Рижского государственного университета, не был бурным. Они познакомились на баскетбольном матче, где выиграла команда университета. Когда по окончании игры все вскочили со своих мест и принялись обниматься и целоваться, сосед Ларисы лишь улыбнулся и произнес по-латышски:

– Браво!

Лариса покосилась на него. Он это заметил и пригласил в кафе «Вец Рига». За кофе с обязательным бальзамом они неспешно обсудили прошлые игры студенческой команды, предстоящие гастроли известного итальянского певца, спектакль в Театре Русской драмы и свое недавнее прошлое. Выходило, что в прошлом у Ларисы только балетный кружок, школа, несколько заметок в местной вечерней газете и детский роман с одноклассником Сережей Ворониным. Все это обычно немногословная Лариса выпалила одним духом, подстегиваемая доброжелательной улыбкой молодого человека. Потомок суровых балтийских рыбаков, который сидел перед ней, был статен, белокур, краснолиц и почти нем. Весь оставшийся вечер они гуляли по Риге, обходя знакомые им с детства закоулки. Лариса заметила, что ее спутник все больше молчит, но его присутствие делало вечер уютным и значительным. На следующий день после лекций она пригласила его к себе. По его лицу Лариса видела, что он удивлен тем, что она живет одна и отлично готовит. Опять весь вечер гость почти молчал, а Лариса, почувствовав, что нравится ему, стала вести себя свободно, громко смеялась, откинув назад голову и обнажая в улыбке белоснежные зубы. Последующие три недели были похожи друг на друга как две капли воды. Лекции, прогулка пешком через парк мимо Театра оперы и балета, а потом домой к Ларисе, на ужин при обязательных свечах. Местоимение «мы» оказалось намного теплее, чем «я» и «он». «Мы будем весь вечер дома!» – бросала она знакомым. А от словосочетания «мой любовник» сладко замирало сердце и сама себе она казалась похожей на героинь французских фильмов: долгие поцелуи и нежные схватки в постели.

Это были первые отношения в жизни Ларисы, а потому, когда вдруг стало ясно, что в сочетании клубники и селедки ничего противоестественного нет, девушка страшно испугалась. Сказать родителям было невозможно, признаться немногословному любовнику тоже. После визита к врачу она, огорошенная и озадаченная, пошла бродить по городу и так добралась до магазина «Детский мир». Там, изумленная той радостью, с которой молодые женщины выбирали детскую одежду, приняла решение рожать. После всего, что случилось между ней и Айвором, после визита в женскую консультацию, ей предстояло не только написать всю правду родителям, но и сделать так, чтобы мама с папой не примчались сюда помогать. С письмом она тянула долго и решилась только тогда, когда в паспорте появился штамп о бракосочетании.

Айвор не торопился перебираться к ней – сам он, коренной рижанин, жил с родителями на улице Смильш, в красивом, построенном в стиле модерн доме.

– Давай будем у нас жить? – уговаривал он Ларису, поскольку привык к материнским хлопотам.

Самое тяжелое для молодой жены было привыкнуть к чужому семейному укладу. Свекровь в доме была главной. Ее слушались и сын, и муж, и весь распорядок их дня был распisan ею же – каждому из членов семьи полагалось сделать за день определенные дела. На фоне такой всеобщей домашней занятости безделье Ларисы, которая мучилась от токсикоза и головокружения, было испытанием. Она старалась по мере сил помогать, но свекровь почти мужским басом отправляла ее назад в комнату, на диван. Собственная некрасивость, вес, который увеличивался в какой-то геометрической прогрессии, и вечное обильное слюноотделение – все это вызывало в Ларисе отвращение к себе, и, как следствие, раздражение в адрес мужа. Айвор отмалчивался. Понять, что он испытывал из-за внезапной перемены в жизни, было нельзя. Для Ларисы, любящей ясность, это становилось мукой. Она начинала искать причины не в характере мужа, а в себе, в своей меняющейся в худшую сторону внешности.

– Я стала некрасивая? Ты меня разлюбил? – спрашивала она, и ее губы вытягивались в смешную трубочку. Лариса ждала, что муж кинется ее утешать, опровергать ее слова, шутить и вообще всячески успокаивать. Айвор медленно и раздельно тянул по-латышски:

– Да нет, все нормально. Что ты?!

Ларисе этого было недостаточно. Она хотела страсти, слез, бурных выяснений как подтверждения чувств.

– Латыши громко и радостно только через костер на Лиго прыгают, – как-то сказала ей свекровь, внимательно приглядывающая за молодыми, – он так же похож на своего отца, как тот похож на своего деда.

Лариса на минуту задумалась. Ее свекор, человек с положением, сделавший неплохую карьеру, мужчина приятной внешности, вел себя так, что о его существовании в доме просто забывали. «А измениться он не может?! Сложно сказать лишнее хорошее слово?!» – думала она уже о муже. Впрочем, это все были проблемы, так сказать, «местного значения». Проблемы общечеловеческого значения начались после рождения дочери. Ребенок был худым и длинным. Акушерка, принимавшая роды, долго шутила про баскетбол и удачную спортивную карьеру. Лариса улыбалась сквозь сон. Очнувшись ночью, в палате. Соседки сладко посапывали и похрапывали, а она смотрела в темное окно, и ее душу переполнял восторг – у нее родилась дочь! За стеклом на ветру прыгали ветки, розоватая реклама соседнего кинотеатра превращала синий цвет ночи в фиолетовый. Все было точно так же, как и вчера, с той только разницей, что у нее появилась дочь. Масштаб события был ясен именно сейчас и здесь, в этой сонной, пахнущей манной кашей больничной палате. Лариса ощутила голод, нашла на тумбочке коробочку с клубничным мармеладом и задумчиво, с чувством выполненного долга сжевала все конфеты. Потом она удобно устроилась на боку и закрыла глаза.

Утром принесли детей для кормления. Лариса измучилась, пока не нашла наконец положение, при котором малышка перестала морщиться и кривить губы, а торопливо ухватила сосок. Больничная нянька всплеснула руками:

– Да что ж у тебя ребенок-то почти вверх ногами-то лежит?!

– А ему так удобнее, – ответила Лариса.

– Знать, это тебе он сам сказал, – съязвила нянька.

– Именно так, – отрезала сухо Лариса и поняла, что отныне есть вопросы и проблемы, которые могут касаться только ее и ее малышки.

Лариса, вопреки всем уговорам, наотрез отказалась бросать учебу. Перевелась на вечернее отделение. Более того, в нескольких изданиях раз в неделю начала вести колонку молодой мамы. Тогда эта форма журналистики была внове, и ее откровенные «Репортажи из детской» имели успех. В доме к этому отнеслись настороженно. Свекровь отмалчивалась, а муж стал ревновать к ее внезапной журналистской известности.

– Ребенок важнее. И потом, зачем всем знать, во сколько ты ее кормишь и как она при этом себя ведет?

Дочь росла, и Лариса видела, как в ней проявлялись фамильные черты. Прибалтийская порода оставила свой явный след – девочка была светловолосой, высокой, с белой кожей. От мамы взяла только глаза – зеленоватые, от светло-зеленого, словно яблоневый лист, до темного, изумрудного. Характером маленькая девица пошла в деда по материнской линии. Дочь была спокойна, но упряма, своего добивалась не слезами или дрыганьем ног, а поджатыми губами и молчаливой обидой. Погремушками и всякой детской мелочью дочь мало интересовалась. Зато завороженно следила за маятником огромных напольных часов, которые стояли в гостиной и били басом раз в час. От боя часов малышка приходила в восторг – она сначала прислушивалась, потом улыбалась, – при этом глаза ее от удивления становились круглыми, а при последних звуках она начинала смеяться.

– В часовщики определим, – качала головой свекровь.

Через два года Лариса почувствовала безумную усталость. Она поняла, что вся ее жизнь состоит из трех частей – ребенок, работа (учеба) и оправдания. Последняя часть как-то стала перевешивать первые две – каждый свой шаг она должна была объяснять и растолковывать. Поначалу Лариса сдерживала себя, ей казалось, что домашние, особенно муж, имеют право знать о мотивах ее поступков – ведь они одна семья и обмен мыслями, настроениями очень важен. Однако Айвор выслушивал ее объяснения, как выслушивает сухой отчет начальник главка. Их семья распалась, как рассыпается песчаная горка, потихоньку осыпаясь, она становится все меньше, меньше, и наконец уже вот она совсем исчезла, превратившись в ровный тонкий, почти незаметный слой почвы. Их развела не измена, не грубость, не безденежье, не родственники – их развела недостаточная любовь друг к другу, а может, ее абсолютное отсутствие. О своем уходе, вернее переезде, Лариса сначала сообщила свекрови. Ей не хотелось некрасиво расставаться с этой мудрой женщиной.

– Подумай, у вас ребенок, – сказала ей обычные в таких ситуациях слова свекровь, но больше уговаривать не стала.

Переезд в квартиру родителей был радостным, как будто Лариса долго пробыла в чужих краях и теперь возвращалась домой. Мать, обеспокоенная происшедшими событиями и никак не сумевшая повлиять на решение дочери, настояла на том, чтобы Марите, их соседка по рижской квартире, помогала ей в воспитании малышки.

– Я позвоню Марите. Договорюсь, пусть тебе помогает с девочкой. Она мне помогала, я за тебя никогда не тревожилась. А деньги мы с отцом будем платить, переводами.

Прелестью Черного моря она не прониклась – ей не нравились шумные южные нравы, слепящее солнце и яркие краски. Сама морская вода, хоть и теплая, была какой-то ненастоя-

щей, словно подогретой. Она сравнивала песчаный юрмальский берег, прохладный, комфортный, удобный для долгих пеших прогулок, море бодрое, которое позволяло быть активной, быстрой, и понимала, что ни за что на свете не уедет из Риги.

Когда наступило время прощаться, мама расплакалась и принялась уговаривать оставить девочку, но Лариса рассердилась. Предложение родителей она отвергла сразу же – ее семья отныне была она и маленькая дочка.

В тревожных раздумьях Лариса провела двое суток в поезде, а когда вышла на Рижском вокзале и вдохнула только этому городу присущий воздух – смесь угольного дыма, сосен, свежей зелени и чего-то еще пряного, кофейного, она поняла, что ее душа сроднилась с этим городом, немного мрачным, но уютным и стильным.

Здание редакции находилось в центре Риги, в той ее части, которая застраивалась в начале двадцатого века. Югендстиль, с его богатым растительным орнаментом, округлыми формами и ликами испуганных женщин, господствовал на этих улицах.

На зеленоватой кровле здания возвышалась огромная статуя женщины с луком и стрелами. На Диану-охотницу она похожа не была – слишком много морщин было на ее каменном лице, а потому упражнявшиеся в остроумии молодые сотрудники газеты между собой называли ее «Наша Илга». Илга Страуте, самая «старая» по возрасту и по стажу, работала редакционным секретарем, а также по совместительству швейцаром, надсмотрщиком и эскулапом. Только она знала рецепт напитка, состоящего из восьми ингредиентов, который приводил в себя самого запойного журналиста. Прибегали к ее услугам не слишком часто, но и не редко. Во всяком случае, когда мощный, плечистый силуэт в вечно бордовой водолазке возвышался над столом, на душе у главного редактора и ответственного секретаря было спокойно. Собственно, именно Илга Страуте встретила на пороге редакции новенькую сотрудницу Ларису Гуляеву в девять часов утра.

– Вам кто нужен? – Илга виртуозно переместила сигарету из правого угла рта в левый.

– Мне нужен ответственный секретарь, – Лариса попыталась войти в дверь.

– Приходите через два-три часа, – Илга стояла прочно, как Каменный гость.

– А что, рабочий день начинается в двенадцать часов? – Лариса сохраняла спокойствие, понимая, что мимо этой дамы проскочить невозможно.

– Нет, он начинается через час, но начальство сразу будет на планерке, ему будет не до вас.

– До меня! – Лариса теряла терпение. – Я новый сотрудник, буду работать в отделе информации.

– Почему я спрашиваю – обычно дамочки работают в отделе писем. – С этими словами женщина наконец отступила вглубь, и Лариса получила возможность войти.

Узкий длинный коридор был похож на беговую дорожку, не имеющую конца – после десятой двери коридор делал крутой поворот, приглашая посетителя, казалось, в другое измерение. Лариса помотала головой, пытаясь немного сосредоточиться – весь интерьер, несмотря на простоту, почти лаконичность, производил сюрреалистическое впечатление.

– Вам нужна вторая дверь налево, могу открыть, хотя в отделе никого пока нет. А ответственный секретарь сидит в самом конце...

– Я знаю, – Лариса нетерпеливо перебила тетку.

Перспектива торчать в этом полупустом, прокуренном здании не радовала. Она так спешила, так боялась опоздать, а оказалось, что сюда никто особенно не торопится.

Ее опыт общения с редакциями ограничивался скорыми визитами – Лариса сдавала в отдел рукопись и уходила. Она писала легко и интересно, поэтому печатали ее охотно. Теперь же Ларисе предстояло влиться в коллектив, состоящий из людей разных по возрасту, опыту и при этом весьма амбициозных и самолюбивых.

Принадлежность к этой профессии заставляла многих чувствовать свою исключительность. Как правило, все сотрудники редакции делились на два типа. Первые – это те, кто работу над несколькими строчками в завтрашнем номере считали архиважной, а добычу редкой информации сравнивали с деятельностью сотрудника внешней разведки. Этим можно было узнать по горящим глазам, таинственному, многозначительному виду, а также по готовности спорить абсолютно обо всем. Вторая часть была нетороплива в движениях, одета с тщательно продуманной небрежностью и с вечной снисходительной полуулыбкой на лице. Они ни о чем не спорили, никуда не спешили, а заметку в десять строк писали так, как продавец пишет «ушла на базу». В отличие от первых, вторые никакого особого творческого начала в этой работе не находили. Но всех их объединяло одно – стремление стать известными. Газета, которая живет один день, своих героев может посчитать по пальцам. Сутки прочь – и ничего не осталось от вчерашней известности, славы, успеха. Для пишущего человека выход один – написать роман, который останется в веках.

Лариса решила, что ждать здесь начала рабочего дня она не будет. Кивнув секретарю, она сказала:

– Я пойду кофе попью пока.

– Идите, – согласилась та, – идите во «Флору», там лучше всего его варят.

Кафе «Флора» находилось за углом. К удивлению Ларисы, в этот утренний час здесь было полно людей. Пара-тройка командированных – их выдавали толстые портфели, огромные зонты и пальто, перекинутые через спинки стульев, и рижане, одетые совсем легко – лето наконец наступило.

Лариса взяла кофе и булочку с корицей. С детства она помнила, что отец любил «розовую» булочку – обычную, с сахарной пудрой, а они с мамой выбирали «коричную». Устроившись за маленький столик у окна, она тайком скинула туфли на высоченных каблуках. Для первого рабочего дня она выбрала свой самый любимый наряд – синее платье с погончиками.

Лариса уже было собралась надкусить булочку, как откуда-то сзади послышалось:

– Заяц, принести еще творога?

Заяц, видимо, был глухонемым, поскольку ответа не последовало. Через какое-то время тот же приятный мужской голос произнес:

– Ну, перестань, ну что ты из-за ерунды сердишься?! Можешь спросить у кого угодно, мы задержались в Тукумсе, машину забыли прислать, мы прождали кучу времени, а потом все пошли на станцию. Ждали электричку, как вдруг подъезжает «Волга» – это местное начальство наконец о нас вспомнило.

– И, видимо, местное начальство решило искупить свою вину, напоив вас водкой.

Это у «зайца» прорезался голос. Голос был женский, приятный, в говоре было что-то южное. Но это был только намек, этакая милая, еле заметная, особенность.

– Да нет, мы просто на станции по сто граммов коньяка выпили. Холодно же было, думали, ждать придется долго. Я тебе сразу об этом сказал, – мужской голос был слегка возмущенный, но при этом тихий.

– Мне вообще не нравится, когда ты пьешь! И какая разница, есть ли повод?! Чтобы согреться, достаточно выпить горячий кофе!

– И кофе пили! Слушай, ну не стоит эта рюмка коньяка таких ссор!

– Не стоит моих нервов, и, если бы ты хоть немного думал о них, ты бы запросто отказался от своих привычек! – Незнакомка все больше распалялась.

– Каких привычек? – вдруг грохнул на все кафе мужской голос. – Что ты обо мне как об алкоголике говоришь?!

От неожиданности Лариса обернулась. Худенькая женщина с высокой, немного растрепанной прической – длинные светлые волосы были заколоты небрежно высоко, на затылке.

Такие прически, по наблюдению Ларисы, позволяют себе либо очень красивые женщины, либо очень самоуверенные. Женщина была симпатичной и самоуверенной. Лариса обратила внимание на ее платье – оно было простое черное, с небольшим белым воротничком и белыми манжетами. Из-под длинной челки смотрели карие глаза. Лариса, встретившись взглядом с женщиной, покраснела.

– Оставайся, если хочешь, здесь, а я пошла. – послышался шум отодвигаемого стула и дробный стук каблучков. Мужчины в кафе, все как один, проводили взглядом тонкую фигурку. Оставшись в одиночестве, спутник решительной блондинки растерянно ел сметану из высокого стакана. Хороший костюм, мужественный профиль, густые темные волосы, зачесанные назад, – все это раньше отметила Лариса. Когда же вдруг мужчина, отставив свою сметану, оглянулся, она увидела, какие у него красивые синие глаза. Стараясь не смущать незнакомца, Лариса сделала вид, что кого-то ищет.

Потом исчезли молодые люди в смешных майках, напоследок они бросили на Ларису любопытствующий взгляд, разошлись по своим делам командированные, ушел и синеглазый мужчина. Уже на башне Святой Гертруды пробило одиннадцать часов, и только тогда Лариса покинула кафе.

Илга Страуте встретила ее подобием улыбки:

– Вас спрашивал ответственный секретарь и очень удивился, что вас нет на рабочем месте.

– Ну, вы же, наверное, сказали ему, что я пришла сегодня сразу после вас. – Лариса с удовольствием отметила, как та растерялась.

– Проходите, он у себя, – Илга мотнула головой в сторону крайней двери.

Лариса поправила платье, заправила за ухо прядь волос и решительно открыла дверь...

– Добрый день, я – Гуляева, новый сотрудник отдела информации.

– Хорошо, что вы новый сотрудник, плохо, что опоздали, и опять-таки хорошо, что я не зануда и стараюсь на подобные вещи не обращать внимания, – голос говорящего доносился за-за огромного шкафа-сейфа, а когда человек появился, Лариса, к своему большому удивлению, увидела красавца из кафе. Мужчина узнал Ларису и покраснел. – Так, – как бы в раздумьях проговорил он, – меня зовут Георгий Николаевич. Ваш непосредственный начальник – заведующий отделом информации будет только послезавтра, он сегодня в командировке. Поэтому сегодня я за начальника. В ближайший номер нужно интервью с Самойловым, известным скрипачом. Он уже приехал и поселился в гостинице «Латвия». Лучше, чтобы это была беседа – неторопливая, душевная, послезавтра суббота, выходной день, а мы стараемся в этот день давать больше позитива, рассказывать о чем-то красивом и приятном. С деятелями культуры и искусства у нас «работает» обычно Лиля Сумарокова, – тут ответственный секретарь вдруг закашлялся, – но она сейчас готовит два разворота о съезде латышских писателей. А потому это ваше боевое крещение. Желаю успеха!

Лариса кивнула и, попрощавшись, вышла из кабинета. «Вот он, позорный провал! Как можно успеть договориться о встрече с мировой знаменитостью, подготовиться к большой беседе, встретиться, написать и успеть отдать в печать, когда у тебя в запасе полдня?!» Лариса почувствовала, как подступают слезы паники и обиды.

В отделе информации она застала худую девицу, парня, стучавшего что-то на пишущей машинке, и толстяка с плеером.

– Добрый день, давайте знакомиться, я теперь буду работать в вашем отделе.

– Знаем, знаем, – отозвался парень у машинки, – вы – Лариса, нам уже Илга сказала.

– Вот и отлично, – Лариса огляделась, – а какой стол свободен?

– Любой, – в один голос сказали все.

– У нас тут – кто где сядет, того и дом...

– Отлично, – Лариса бросила сумку на стол, полистала подшивку, – сейчас устроюсь и побегу. А то мне завтра в номер беседу с Самойловым сдавать.

– Да ладно? – удивилась девица, которую, оказалось, звали Леной. – Ничего себе. К нему же не подступиться, он вообще так себе в человеческом смысле, а тут такие сроки.

– Девушки, вы в газете работаете, а не в музее! Тут главное – скорость!

– Люблю оригинальные мысли.

– К Сумароковой попробуй подъехать, – неожиданно сказал толстяк в плеере, – она всех знает, и ее все знают. Она у нас спецкор отдела литературы и искусства. И вообще, мэтр.

– Только характер как у ведьмы, – фыркнула Лена.

– Да ладно, ничего особенного. Ну, немного злая. Зато пишет лучше всех, – парень с плеером поднялся и вышел из комнаты.

«Так, пусть меня завтра же уволят, но к этой Сумароковой я точно за помощью не обращусь. – Лариса посмотрела на старый стол. – И вообще, они как хотят, но у меня должно быть мое рабочее место».

Она решительно убрала со стола какие-то вырезки, смахнула табачные крошки и разложила свои блокноты, ручки, карандаши. Сотрудники отдела информации переглянулись.

Отдел информации – это плоть и кровь любой газеты, потому как основа любого издания – это новости, самые свежие и интересные. В этой газете признанным асом по части информационных сенсаций была, как ни странно, сублильная Лена Пестик. Ее невзрачная внешность у суровых охранников, толстых швейцаров и непреклонных медицинских работников вызвала сочувствие. Они всерьез эту пигалицу с мышиным хвостиком и в каких-то немыслимых домашних тапочках не воспринимали. Но потом оказывалось, что она, пустив убедительную слезу, упав в глубокий обморок, уговорив, наврав, дав взятку, могла раздобыть любую информацию. Последняя ее публикация о чиновнике из Министерства образования получила огромный резонанс. Лена Пестик элементарно спряталась за длинной плотной шторой в одном из помещений ведомства и подслушала (предварительно включив диктофон) разговор о перепрофилировании нескольких рижских школ. С учетом того, что в городе катастрофически не хватало учебных мест, этот материал стал настоящей «бомбой».

– Ты как туда пробралась, скажи честно? – спросил Лену наедине ответственный секретарь.

– Очень просто, – ответила она и изобразила что-то руками. Она, как и многие дамы редакции, была тайно влюблена в красивого Георгия Николаевича, а потому признаваться, что просто обманула добрую старую тетку из министерского бюро пропусков, не хотелось. Георгий Николаевич саркастически хмыкнул – за публикацию ему влетело от главного, человека осторожного, но «наверху», в Министерстве печати, одобрили. «Свежий воздух перемен», понимаете ли.

Соперничали с Леной еще двое сотрудников отдела. Гунар Бем – полноватый, неторопливый, вечно ходивший с плеером и специализирующийся на криминальной хронике. Он никогда никуда не спешил, но всегда везде успевал. Первой его публикацией был репортаж из городского крематория. С подробными, почти натуралистическими фотографиями. Снимки он делал тоже сам. Репортаж «взорвал» город. Откровенные беседы с работниками этого скорбного заведения, история подмены урн с прахом и прочие детали – все это вызвало шквал писем от читателей, кучу проверок в соответствующем отделе Управления городского хозяйства и даже угрозы в адрес автора. Гунар стал известен, но голову этот успех ему не вскружил. Он словно пес-ищейка «принюхивался» в поисках сенсаций. Как вскоре выяснилось, сенсации очень часто лежали на поверхности.

Третий сотрудник Никита Воробьев свою карьеру начал с того, что опубликовал снимки известной целительницы в самом пикантном виде. Никита снял ее объективом, который позволяет делать качественные снимки с больших расстояний. Фотографии опубликовали и ждали

большого скандала – целительница отличалась крутым нравом. Скандала не случилось – читатели расхватили номер в один момент, целительница позвонила в редакцию и попросила Никиту приехать к ней. Воробьев, ожидавший ругани, был крайне удивлен, что дама протянула ему конверт.

– Приезжай ко мне, материала хватит, – с намеком сказала она – после публикации «дачного репортажа» число клиентов целительницы увеличилось в несколько раз.

– Падальщик. – Лена Пестик не скрывала своего презрения.

– Да брось, от тебя ничем не отличаюсь, – отвечал Никита.

– Я борюсь против взяточников, зарвавшихся дармоедов-чиновников и административных хамов. А ты? Ты клюкву-малину описываешь.

– Да будет тебе известно – желтая пресса есть во всем мире. И ее читают! Более того, я тебе скажу, что ее любят читать! А потому спрос на мои репортажи будет всегда.

Лариса еще несколько минут посидела, слушая своих коллег, потом решительно запихнула большой блокнот опять в сумку, встала... и в этот момент в комнату заглянула молодая женщина. Та самая, из кафе «Флора».

– Привет, привет! Дайте на машинке попечатать, а то, пока наши освободятся, сто лет пройдет.

«Это же надо! Только этого не хватало. Все в одном месте работаем», – подумала Лариса, как вдруг женщина на секунду остановилась, обернулась к ней и спросила:

– Вы новенькая? Я вас где-то видела?!

«Там, где у вас была семейная сцена!» – подумала Лариса, а вслух произнесла:

– Рига – город маленький, а потом, я уже здесь публиковалась.

Но женщина уже не слушала ее, она пробежала глазами текст, вытащила его из машинки и, весело воскликнув:

– Никита – ты чудо! – выскочила из комнаты. Никита покраснел и стал что-то искать в пустом ящике стола.

– Вот вам и Лиля Сумарокова, наша звезда и жена ответственного. – Гунар посмотрел на Ларису.

– Звезда она сама по себе, а не потому что жена ответственного, – пробормотал Никита.

Лариса уже не слушала их. Она, подхватив сумку, шла в гостиницу «Латвия».

Как всякий небольшой город, Рига была компактной, собранной в «одну горстку». Все самые важные городские места находились недалеко и как бы дополняли друг друга. Например, всем было очень удобно, что Дом писателей, серый особняк в старонемецком стиле, соседствует с самым крупным рестораном «Дraudзиба», а гостиница «Латвия», с ее набором – рыбный ресторан, пивной бар и мюзик-холл, – находится аккуратно в конце бульвара, являя таким образом логический конец, который писатель никак не минует, став членом профсоюза. Многие писательские юбилеи так и проходили – разогрев в буфете Дома писателей, затем – ресторан «Дraudзиба», а заканчивался тяжелый день в рыбном ресторане, пивбаре или мюзик-холле гостиницы «Латвия».

Ей надо было пройти всего два квартала и пересечь небольшой сквер. Во время своего короткого пути Лариса попыталась привести в порядок свои впечатления. Ребята в отделе ей понравились. Конечно, это была первая встреча, толком они и не поговорили, но видно было, что для них важна работа и их мало занимают редакционные дразги.

Лариса пересекла улицу Бривибас и вступила в тень огромных старых каштанов. Этим маленьким сквером, очень старым, расчерченным дорожками на аккуратные квадраты, начиналось кольцо парков, которые опоясывали Ригу. Лариса замедлила шаг. Она вдруг поняла, что эта самая Лиля Сумарокова произвела на нее сильное впечатление. Даже считанных минут хватило, чтобы понять, что Лиля – личность незаурядная, в ней есть и железный характер, и ум, воля. «Странно, она ничего особенного не сказала, не сделала, но произвела такое впечатление.

В ней какой-то журналистский шик». Лариса почувствовала зависть. Ей хотелось стать такой же – независимой, яркой, влиятельной. «Такие, как она, идут в политику», – вдруг подумала Лариса и на мгновение представила, как Лиля Сумарокова становится президентом страны. «Мне такой материал сдавать, а тут эта Лиля Сумарокова из головы не идет», – подумала Лариса и вошла в прохладный холл гостиницы «Латвия». Швейцар двинулся ей навстречу.

– Я из газеты. – Лариса показала ему редакционный пропуск.

Швейцар указал на стойку администратора.

Лариса на минуту замешкалась, но потом решительно двинулась к плотной тетке, которая спряталась за своей конторкой, как за крепостной стеной.

– Добрый день, я из газеты. Можно мне позвонить Самойлову.

– Нельзя. Просили ни с кем не соединять. Вечером концерт.

Лариса сейчас, кроме ожесточения и свирепого желания заполучить интервью, ничего не испытывала. Ей нужно было время, чтобы «сориентироваться на местности» и, взвесив все, решить, что следует предпринять. Поэтому, повздохав, она направилась к остальным бедолагам.

Чтобы не терять времени, достала блокнот и стала набрасывать план возможного разговора.

Первое правило журналистики гласило: «Не задавайте вопрос, на который можно ответить односложно – «да» или «нет». В противном случае беседа прекратится, не успев начаться. Из развернутых же ответов можно выудить массу деталей, которые в должном оформлении могут сделать материал. Следуя этому правилу, Лариса отмела все дежурные вопросы о том, понравился ли маэстро город, море и концертный зал. «Кто вам шьет концертные костюмы?» – написала она в блокноте. Этот вопрос, во-первых, скорее всего, не вызовет раздражения, поскольку направлен не на личность, во-вторых, его запросто можно расценить как комплимент, особенно если произнести с соответствующей интонацией. Следующий вопрос был о том, что музыкант предпочитает на ужин перед концертом. Тема еды весьма благодатна. Почти все без исключения артисты сидят на всяческих диетах и любят поговорить о страшных мучениях, через которые они проходят на пути к идеальной форме. Третий вопрос касался собственно творчества. Лариса решила отойти от традиционных типа «каковы ваши планы» и «какое произведение вы любите больше всего». «Какой концерт вы считаете самым неудачным? Если вообще таковой был?» – записала она в блокноте. Этакая игра – самокритика, напрашивающаяся на комплименты.

Второе правило журналистики звучало так: «Будь всегда внимателен и во всеоружии. Час «Х» может наступить внезапно». Лариса это правила тоже хорошо знала. Даже сейчас, полностью погрузившись в свои записи, она боковым зрением отметила некоторое движение в первых рядах ожидавших журналистов. Те, которые были с телекамерами, бросились куда-то к лифту, фотографы решили поймать Самойлова на улице. Люди с диктофонами и блокнотами попытались протиснуться между телевизионщиками, но не тут-то было. Стена крепких мужских спин сомкнулась, образовав непробиваемый панцирь. Лариса сидела дальше всех от лифта, но благодаря сообразительности – все огибали диваны, путаясь в мебельных лабиринтах, – она выбрала длинный, но прямой путь вдоль окна. На ее пути ничего и никого не было, а потому именно она встретила лицом к лицу с высоким симпатичным мужчиной, который, смеясь, что-то рассказывал выходящему вместе с ним из лифта Самойлову. Лариса нацепила на лицо полуулыбку и четкой скороговоркой произнесла:

– Добрый день, Дмитрий Евгеньевич! У вас потрясающие костюмы, у кого вы их шьете?

От неожиданности Самойлов и его спутник замедлили шаг и посмотрели друг на друга. Лариса, почувствовав, как кто-то толкает ее в спину, переступила с ноги на ногу, на что-то наткнулась каблуком и, зашатавшись, рухнула к ногам знаменитости.

– О господи, – произнес Самойлов.

– Идите, директор вас проводит, – произнес его собеседник и наклонился к Ларисе. Акт милосердия проходил уже в почти пустом вестибюле – все ринулись на улицу вслед за мэтром.

– Что с вами? – мужчина протянул Ларисе руку. Та поднялась, но наступить на правую ногу не решалась. Нет, нога не болела – был сломан каблук. Лариса быстро оценила степень бедствия и разрыдалась.

– Чудачка вы, право! – незнакомец с досадой утешал Ларису. – Подумаешь, каблук! Руки, ноги – целы, а это самое главное! До мастерской я вас довезу, там все сделают за две минуты.

Лариса рыдала, и ничто не могло остановить этот поток слез. Этот ее первый рабочий день, который так рано начался и так много обещал, оказался, пожалуй, самым несчастливым днем за последние пять лет. Это первое редакционное задание должно было доказать всем, что Лариса Гуляева ничуть не хуже какой-то там Лили Сумароковой. К тому же моложе, а потому к тридцати годам должна была затмить эту звезду. Лариса заплакала с утроенной силой. Было жаль себя, свою непутевую профессиональную жизнь, и сейчас казалось, что кроме неудач в ее жизни ничего не было.

– Да вам надо валерьянки выпить! – Мужчина смотрел на часы и терял терпение. Он должен был быть с Самойловым в концертном зале, там будут другие гости, журналисты. Черт его дернул помочь этой клуше! Льет слезы, ни слова не понять! – Чем я могу вам помочь? Только скажите внятно, из-за ваших слез я ничего не понимаю.

– Я материал должна была сделать, беседу с Самойловым. Меня только сегодня на работу взяли.

– О господи! И из-за этого столько воды вы пролили?! Я думал, что вам туфелек жалко. Лариса опять разрыдалась в голос.

– Меня не возьмут в штат редакции. Это было мое первое задание.

– А вы где работаете?

– В «Молодой смене».

– У Жоры, что ли?!

– Какого Жоры?

– Боже мой, да у Георгия Николаевича!

– Ну да, – Лариса шмыгнула носом и принялась размазывать тушь на глазах.

Мужчина помолчал, а потом задал вопрос:

– Дома еще туфли есть? Впрочем, на переобувание уйдет много времени. Концерт через полтора часа. Поедемте!

– Куда? – Лариса немного растерялась.

– Купим туфли, а потом в концертный зал. Я постараюсь вам помочь. – Мужчина решительно встал и протянул Ларисе руку. – Давайте поддержку, а то вы, словно аист, на одной лапе.

Лариса растеряннo ему подчинилась.

Дальнейшее было похоже на сказку о Золушке и Фее. Только в роли Феи выступал интересный сероглазый мужчина лет тридцати. Как настоящая женщина, Лариса обратила внимание на его дорогую обувь, на модный пиджак и часы. Часы на его руке отливали тяжелым золотым блеском. Внезапно Лариса сообразила, что человек этот ей совсем незнаком и что согласиться на его, вполне может быть, и мифическую помощь было не совсем правильно. «Он знаком с ответственным секретарем. Впрочем, это он так говорит. И зачем я согласилась? Все равно шансы исправить ситуацию равны нулю», – думала Лариса и угрюмо смотрела в окно.

– Выходите, – машина остановилась у известного на всю Ригу комиссионного магазина. Туда обычно сдавали вещи жены моряков, возвратившихся из заграничных рейсов. Все было новым, модным, но купить это было непросто. Требовались связи.

– Куда мы идем? – Лариса испытала неудобство, когда задавала вопрос. Она только сейчас сообразила, что имени этого человека не знает. Лицо было знакомо, но, где и когда она его видела, она, за всеми своими горестями, вспомнить не могла.

– Туфли покупать. – Мужчина помог ей выйти из машины и, поддерживая за локоть, повел в магазин.

– У меня нет денег, тем более на покупки в таком месте, – Лариса возмутилась искренне. – Вы могли бы поинтересоваться этим обстоятельством!

Действительно, утром в кафе «Флора» она потратила практически последние деньги на кофе и булочку. Практически последние – это потому, что была отложена небольшая сумма на продукты.

– Я рассчитывал помочь вам и не собирался ставить вас в неловкое положение. Деньги за туфли вы мне отдадите, когда у вас появится возможность. И вообще, давайте наконец познакомимся. – Мужчина остановился на мгновение. – Вадим Костин.

«Вот оно что! Вот почему у меня было впечатление, что я его где-то видела». Лариса от неожиданности даже забыла произнести в ответ свое имя. Это тот Костин, который снял фильм об уехавшем Ростроповиче. Фильм наделал много шума, на латышском телевидении хотели его даже запретить, но совершенно неожиданно позвонили из Москвы, и вскоре на одном из центральных каналов с большим успехом состоялась премьера. Известный молодой рижский журналист вдруг прославился на всю страну. Теперь Костин готовил к выходу второй фильм – о поп-культуре.

– Лариса Гуляева, – наконец вымолвила она.

– Ну и отлично, а чтобы вы не думали черт знает что, я вам объясню: Самойлова я очень хорошо знаю. Мои родители с ним и его женой были очень дружны. А потому думаю, что смогу уговорить его побеседовать хотя бы минут десять. Ваша задача быстро придумать нужные вопросы. Здесь мы купим туфли, вы переоденетесь, и мы поедем в концертный зал. Если успеем, попробуем поговорить с маэстро до концерта, нет – подождем и встретимся после.

– Вы это серьезно? И про туфли, и про Самойлова? Я не могу позволить вам купить мне туфли, я вас не знаю, – Лариса запнулась, – то есть я вас знаю, фильм ваш видела...

– Послушайте, мы теряем время! Не волнуйтесь, я хорошо знаком с Георгием Николаевичем и всей его семьей, я пишу для этой же газеты, я действительно могу и хочу вам помочь. Вопрос денег не такой сложный – получите гонорар за эту беседу – сразу же отдадите. Я настаиваю, поскольку поездка к вам домой и дальнейшее переодевание займет много времени, и мы можем не успеть переговорить с Самойловым.

Лариса внимательно посмотрела на собеседника. Она так устала за сегодняшний день, что даже была рада этому неожиданному Деду Морозу в дорогом костюме и с потрясающими часами. В конце концов, неважно, как она решит проблему, а важно, что она ее решит.

– Хорошо, я согласна и очень благодарна вам. Деньги отдам сразу же, как получу.

– Отдадите, отдадите, – потянул ее Костин в магазин.

То, что ее спутник человек известный в определенных кругах, Лариса поняла сразу же. Продавщицы сделали «стойку», а директор магазина, слышав его голос, сама кинулась помогать.

– У нас случилась беда, только вы и можете помочь. Что-то для дамы, под ее красивое платье.

Лариса смутилась под пристальными взглядами продавщиц. «Наверное, приняли за любовницу!» – подумала она и густо покраснела. Туфли директор принесла очень красивые, на небольшом модном каблучке. Такой модели ни в одном магазине было не найти. Лариса их примерила, и ей показалось, что хрустальный башмачок Золушки – просто калоша рядом с этой элегантной обувью.

– Сколько они все-таки стоят? Вы как-то подозрительно шушукались с директором.

Костин и Лариса уже ехали в сторону нового концертного зала, где через сорок минут должен был начаться концерт Самойлова.

– Не волнуйтесь, туфли стоят столько, сколько написано в чеке. Чек – в коробке. А шептались мы с директором о билетах на итальянца. Ей очень хочется попасть, а я могу достать билеты на неплохие места.

– Вы все можете? – Лариса подпустила в голос сарказма, но собеседник его не заметил.

– Многое, я же работаю в такой сфере. Кстати, через какое-то время и вы тоже сможете многое, журналистов и любят, и не любят. Важно, как тебя воспринимают. Знаете, как у дрессировщиков: если лев чувствует силу человека – он подчиняется. Здесь все то же самое: уверенность, апломб, напор – и важно, чтобы все вокруг это почувствовали.

– Мне далеко до этого...

– Это вам кажется. Посмотрите, например, на Лилю Сумарокову. Она не намного старше вас, а какая сила, какой характер.

«Опять Сумарокова! Как будто нет других людей в нашей журналистике!» – подумала Лариса, вслух же она сказала:

– Ну, зачем же быть всем, как Сумарокова, это даже неинтересно!

– Да, такой, как она, быть невозможно. Лиля – одна.

Что-то было в его голосе такое, что заставило Ларису внимательно посмотреть на него. «Ах да, показная корпоративная солидарность, а сам небось завидует ее известности. Сумарокову знают все, а Костина? Фильм его знают, а вот автора пока не очень».

– Я серьезно вам говорю, подражать Сумароковой пытается вся женская часть всех газетных коллективов Риги. И никому не удалось стать такой же.

Лариса промолчала. Ей не хотелось спорить. Она собиралась с мыслями – от того, как пройдет беседа с Самойловым, зависело слишком многое в ее жизни. И Лиля Сумарокова ее волновала сейчас меньше всего...

– Гуляева, вы сделали отличный материал! Просто не верится, что это все вы успели за сутки. Очень хорошо! Во-первых, получите премию, во-вторых, ваш материал отметим как лучший в этом месяце, а в-третьих, останьтесь после планерки, поговорим о будущем. Вашем будущем.

Собравшиеся в большом кабинете немного погудели, Лиля Сумарокова громко поздравила ее, ответственный секретарь что-то еще говорил о свежем номере, о фотографиях, а Лариса пыталась успокоиться – ее особенность покрываться ярким румянцем в минуты сильного волнения выдавала ее с головой. Еще она очень хотела спать. Действительно, последние сутки оказались почти безразмерными. Редакционное задание, сломанный каблук, покупка туфель, закулисье концертного зала с массой незнакомых, но известных людей, которые почему-то были очень рады встрече с ней. До Ларисы только потом дошло, что все дело в ее спутнике – красивом, высоком, одетом с изрядной долей щегольства. С ним старались поздороваться, сказать пару слов. Все куда-то приглашали пойти после концерта, делились впечатлениями и интересовались мнением. Потом был разговор с музыкантом, уставшим, отирающим пот со лба. Было видно, что человек уже стар, что неприкрытое раздражение – это не характер, а усталость и возраст. Ларисе в какой-то момент стало его жаль, и она произнесла:

– Извините, что пытаю вас в такой час, но моя профессия немного жестокая.

Самойлов посмотрел на нее внимательно и вдруг стал рассказывать о том, как в юности он ловил рыбу и собирался стать ветеринаром, лечить кошек и собак.

– Только кто же меня спрашивал?! Родителям сказали, что у меня талант! Я, по чести сказать, терпеть не могу музыку, и этих ваших Бахов с Бетховенами тоже не люблю. Песенки любил, легкие, эстрадные, чтобы можно было машину мыть и слушать...

– Это можно написать? – Лариса растерялась от такой откровенности.

– Можете, у меня теперь не убудет, не прибудет. Вадим, – Самойлов вдруг обратился к Костину, который сидел тут же в артистической гостиной и листал какой-то журнал, – отвези меня домой, только через черный ход, чтобы никто не видел. А директор мой пусть сам все остальные вопросы решает.

– Да, конечно, вот только девушку по дороге домой забросим, Дмитрий Евгеньевич, хорошо?

Лариса помнила, как они шли по узким коридорам, спускались по серой неопрятной лестнице и очутились на улице, где пахло резедой, летней пылью и каштанами. Мужчины в машине о чем-то разговаривали, а Лариса уже соображала, что и как она будет писать. Времени у нее оставалось чуть-чуть.

Распорядок редакционной жизни прост и нарушаться не может. Позже всех приходят те, кто дежурит по номеру. Все материалы, запланированные в номер, должны быть в четыре часа уже в дежурной бригаде, которая делает макет, верстку, отбирает фотографии. Спуски полос, то есть страницы, делаются по очереди и сдаются в корректуру, где вычитываются, и в отдел цензуры. После всех проверок номер подписывается и уходит в типографию, чтобы рано утром оказаться в газетном киоске. Ларисе надо было успеть сдать номер к четырем часам дня. В ее распоряжении была ночь и утро. В обед она должна была завизировать интервью у Самойлова и только после этого отдать в секретариат. Она успела.

Когда наконец закончилась планерка, Георгий Николаевич вышел из-за своего большого стола и сел напротив Ларисы.

– Не буду скрывать, вы меня не просто удивили, вы потрясли мое воображение. Я, откровенно говоря, думал, не справитесь, на работу все равно бы вас принял, но только в качестве обычного литсотрудника. Знаете ли, обычно некогда и некому сделать репортаж об открытии очередной автобусной остановки. Но вы в немыслимые сроки сделали потрясающий материал. Вы смогли разговорить человека, который даже не согласился участвовать в съемках биографического фильма. Самойлов известен мерзким характером и грубостью...

– Со мной Дмитрий Евгеньевич был вежлив и разговорчив, а когда визировал материал, даже подарил огромную шоколадку, – Лариса рассмеялась, поскольку вспомнила, как Вадим Костин, который привез ее к Самойлову на следующий день, эту шоколадку и съел. «Не успел позавтракать из-за вашего материала», – оправдывался он потом в машине, предлагая Ларисе оставшийся маленький квадратик.

– Одним словом, вы – молодец, а потому я решил, на свой страх и риск, сделать вас сразу специальным корреспондентом. Вы не будете относиться к отделу информации, будете подчиняться только мне, а темы для материалов можете искать сами. У нас, наверное, вы уже знаете, всего два спецкора – это Лиля Сумарокова и Вадим Костин. Правда, последний пишет не очень часто – в основном о кино и телевидении. Думаю, он вообще скоро займется литературным творчеством, так сказать, серьезно.

Лариса не могла поверить собственным ушам. Она, вчерашняя выпускница, и уже спецкор, как Лиля Сумарокова. От радости и волнения у нее вспотели ладони. Она почувствовала, как румянец заливал ее щеки.

– Вы знаете, я сразу хочу сказать, что мне помогал Костин. Если бы не он, я бы не справилась. Он помог мне познакомиться с Самойловым.

– Вот как? – Георгий Николаевич внимательно посмотрел на Ларису. – Да, я что-то слышал, что они дружны. Вернее, родители дружили или дружат, не помню уже. Но ведь дело не только в этом. Статью писали вы, не Костин же?

Ответственный секретарь хитро улыбнулся.

– Нет, конечно, – Лариса стала совсем пунцовая, – писала я сама и вопросы составила, и разговаривала только я с Самойловым.

– Вот, а это самое главное! Так грамотно поставить вопросы, суметь разговаривать человека, тем более такого! Это дорого стоит! Так что вы свое место займете по праву. Главное – не сбавляйте темп. И потом, Сумарокова у нас совсем в звезду превратилась, ей полезно почувствовать конкуренцию!

Георгий Николаевич встал, давая понять, что обсуждать здесь что-либо не имеет смысла. В отделе Ларису встретили овациями:

– Поздравляем, материал действительно прекрасный, – Лена Пестик одобрительно кивнула.

Гунар и Никита обменялись мнениями о наступающем матриархате.

Сейчас, после всех похвал, ей казалось, что ничего сложного и трудного вроде бы и не было.

Но, возвращаясь мысленно к событиям минувшего дня, она все чаще и чаще вспоминала своего неожиданного помощника. И в этих ее воспоминаниях к чувству благодарности примешивалось чувство восхищения.

Вадим Костин не переставал удивляться своим родителям. Между отцом и матерью всегда были чрезвычайно нежные отношения. В этой нежности трудно было найти страсть, эти отношения были построены на полутонах и избавляли постаревших людей от раздражения, склок и вечного брюзжания. Вадим, гордившийся тем, что в их доме даже «голос никто не повысит», сам же был склонен к роковым сюжетам. Он влюблялся навсегда, расставался навеки, работал так, чтобы всем показать, одевался как никто другой. За всем этим угадывалась натура, безусловно, сильная, но немного взбалмошная и стремящаяся порой достичь отличного результата любой ценой. Вместе с этими качествами, присущими эмоциональной и амбициозной личности, в Вадиме всегда было скрытое стремление к творчеству. К тому, что называют «кабинетной работой». Два этих противоположных начала, сталкиваясь в одной личности, производили поистине ошеломляющий эффект. У Вадима получалось все! Писать, снимать фильмы, выступать перед самыми требовательными аудиториями, прожигать жизнь в ресторанах, ухаживать за женщинами, бросать их и даже драться на дуэли. Был и такой занимательный, но, слава богу, не смертельный случай. Вадим, вчерашний студент, увлекся молодой женой пожилого профессора. Костину нравилась эта классическая адюльтерная ситуация – что-то из английской или американской литературы. Профессор был стар, но отважен и крепок, а потому вызвал соперника на дуэль. Литературное сообщество гудело об этом целых два месяца. Соперники боролись на кулаках, выбрав для поединка душный спортивный университетский зал. Победителя определить не удалось, поскольку в дело вмешалась дама. Обуреваемая угрызениями совести, она разняла соперников. Надо сказать, этому были рады оба. Профессор устал, Вадиму стало стыдно, что связался со стариком.

Профессию Вадим не выбирал. Где-то класса с восьмого было ясно, что этот высокий красивый юноша будет писать. И дело даже не в школьных сочинениях, за которые ему всегда ставили «отлично», а в складе его ума, наблюдательности, умении формулировать мысли так, как это обычно делают литературно одаренные люди. Преподаватели математики, химии и физики его особенно не трогали, справедливо и благородно понимая, что будущее этого мальчика никак не связано с точными науками.

Баловни судьбы – это те люди, которым солнце светит даже ночью. Если они берутся сажать картошку, та вырастает огромная без всяких удобрений, а колорадский жук облетает ее стороной. Если они учат школьников, то в классах у них благолепная тишина, а ученики становятся нобелевскими лауреатами. Если они собираются писать статьи, то все наперебой им пророчат писательскую славу и редко когда ошибаются в этих прогнозах. Вадима Костина в полной мере можно было отнести к таким баловням. Что самое интересное, он сам, совер-

шенно искренне считал, что ему должно везти. Его уверенность в себе передавалась другим и в конечном счете превращалась в его репутацию.

– Костин? Этот далеко пойдет, – говорили на кафедре в университете.

– Костина надо обязательно отметить, а лучше дать премию. Талант надо уметь разглядеть, – вторили в комитетах по различным премиям.

– Какой жених! За ним как за каменной стеной. И ведь талант, – вздыхали женщины, всегда в большом количестве окружавшие Костина.

Даже мальчиком Вадим Костин в своих мечтах был очень взрослым. Перспектива стать обладателем огромного самосвала, который был выставлен в «Детском мире», его прельщала не более пяти минут – ровно столько он стоял у витрины магазина. Вот если бы оказаться на палубе огромного теплохода, неожиданно попавшего в шторм! Он, Вадим Костин, не струсит, не будет держаться за папину руку, а поможет женщинам и детям усесться в шлюпки и останется с капитаном и командой до самой последней минуты. Как только на невзрачном балтийском небе показывались тучи, маленький Вадим тянул отца за руку:

– Пойдем на пристань, поехали на корабле.

Еще он хотел издавать газету. Откуда у мальчика в пионерском галстуке такие «мердовские» замашки, никто понять не мог. Но так или иначе в его доме, рядом с почтовыми ящиками, периодически появлялась самодельная стенгазета, в которой тринадцатилетний Вадим был и редактором, и художником, и машинисткой. Соседи посмеивались, читая, но не могли не отдать должное – газета была забавная. Чем дальше, тем явственнее проступало то обстоятельство, что сегодняшняя жизнь для Вадима тесновата. Он в своих планах и мечтах летел вперед, нисколько не заботясь, что для будущего у него силенок маловато. Здесь, по всей видимости, на помощь ему приходила та самая уверенность, которая на окружающих действовала почти магически.

На третьем курсе Вадим бросил университет – соседство продлевающих себе отрочество сокурсников его раздражало. Дома резко запахло валерианкой – отец и мать не могли себе представить сына без высшего образования, а он, заранее найдя себе квартирку в районе Кенгаракса, собрал вещи и твердо пообещал родителям:

– Вы будете довольны мной. Но... – Тут он процитировал ошеломленным отцу и матери слова Пуанкаре: – «Небольшие различия в начальных условиях рожают огромные различия в конечном явлении». Вы понимаете меня? Я не хочу быть как все и не хочу идти дорогой, которой идут все!

– А как же диплом?! – в слезах спросила мама.

– Куплю потом, – ответил Вадим, опять-таки опережая свое время лет этак на десять – в отвязные девяностые и последующие, очень коммерческие нулевые, купить высшее образование не составляло никакого труда.

На работу в небольшой детский журнал Вадим устроился сразу, тогда же он завел огромную тетрадь, куда записывал все более или менее важные события, характеристики людей, окружавших его, свои размышления и наблюдения. Опытный психолог сразу же определил бы, что от этого занятия пахнет вуайеризмом. «Я напишу книгу про людей. Про их слабости и недостатки, про ошибки и заблуждения. Это будет книга о том, как не надо жить!» Вадим с удовольствием фиксировал промахи окружающих. Опять же, психолог вывел бы некую закономерность между особенностями характера Вадима и этим его занятием. Из этого своеобразного дневника выходило, что окружение выгодно оттеняло достоинства Костина, которые он теперь культивировал с необычайным упорством. Его самообразование стремилось к энциклопедичности, его воспитание превращалось в рафинированную галантность, его умение одеться преобразовалось в почти английский дендизм. Он бравировал своим литературным германофильством, художественной франкоманией и страстью к итальянской опере. Окружающих иногда веселил этот неумеренный, как им казалось, перфекционизм весьма молодого человека. Но

Вадим Костин отмалчивался. Он-то считал себя максималистом, то есть человеком, который в отличие от перфекциониста, стремился выжать максимум из реальных возможностей. То есть Костин был реалистом, в то время как перфекционисты, все как один стремясь к невозможному, являются идеалистами.

Улыбки скептиков потихоньку стирались – через год своей работы в детском издании Костин перешел в один искусствоведческий журнал заведующим отделом, через два года он стал спецкором центральной латышской газеты, через пять лет снял нашумевший фильм о великом музыканте. Этот фильм сделал его известным. Все, что делал Костин, отличалось качеством высшего порядка.

Личная жизнь Вадима была бурной. Правда, к чести его надо сказать, инициатором беспокойных отношений были многочисленные поклонницы. В умного, образованного, отлично одетого молодого человека влюблялись дамы всех возрастов. Он поклонение принимал как должное и всеми силами старался сохранить дистанцию. Для скорых плотских утех у него была нетребовательная студенческая подружка, не имеющая на него никаких видов, поскольку делала карьеру свободной художницы-авангардистки. Душа же Вадима Костина уже несколько лет была занята одной-единственной женщиной. Трагедия ситуации заключалась в том, что эта женщина была несвободна, а ее жизненные установки практически ничем не отличались от Вадимовых – она тоже делала карьеру, в самом высоком смысле этого слова. Звали эту женщину Лиля Сумарокова.

«Времени на все эти гендерные забавы у нас и так хватит. А вот для серьезных дел нам, женщинам, отмерено совсем немного, да и это немногое у мужиков отвоевать надо. Тратить же время на бессмысленные циклические игры – влюбились, переспали, разлюбили, разбежались – не хочется», – думала Лиля Сумарокова и быстро вышла замуж за Георгия Николаевича. И это было похоже на выполнение очередного пункта в ее жизненном плане. И еще на то, как она ходила в ЖЭК оформлять заявку для вызова водопроводчика – с максимумом терпения и полным отсутствием иллюзий. Лиле повезло – муж был не только красив, но успешен. Поставив «галочку», Сумарокова с удвоенной силой кинулась в профессиональный водоворот. И очень быстро стала звездой. В полном смысле этого слова. Не было журналистского задания, которое она не могла бы выполнить, не было известного человека, который ей отказал бы в интервью, не было темы, которую Лиля Сумарокова не могла бы превратить в вопрос республиканского значения. Что играло решающую роль в столь блестящей ранней карьере – Лиле совсем недавно исполнилось тридцать лет – было не очень понятно. Те, кто Лилю не любил, а таких было предостаточно, утверждали, что все дело в ее внешности и самоуверенном нахальстве. Копна волос, челка волной, карие глаза и решительный профиль бесспорно были в активе. Как и тонкая талия, безупречный вкус, а также умение чувствовать себя правой в любой ситуации. Однако бойких, симпатичных, красивых и просто роскошных женщин в журналистском мире было предостаточно. Но ни одна из них не могла сравниться с влиянием, которое имела Сумарокова. Люди, которые близко знали Лилю и любили ее, склонялись к мысли, что все дело в ее уме, способности отстоять свое мнение и обаянии. Но большая часть считала, что Сумарокова играет мужчинами, как цирковой жонглер мячиками, и совершенно неважно, как это у нее получается. «Все дело в покровителях!» – утверждали в машбюро, в отделе писем и даже в кабинетах Министерства культуры. Лиля плевала на все разговоры, она, не задумываясь, кидалась в самую гущу событий и выплывала оттуда победительницей. Ее муж, Георгий Николаевич, бесспорно был очень красив, знал об этом, но, как правило, не использовал это обстоятельство в личных целях. Он смущался из-за пристального женского внимания, так как любил свою жену. Любовь эта была столь сильной, что однажды, будучи еще холостым, на какой-то редакционной пьянке, он, перебрав водки, стал преследовать Лилю, начинающую тогда журналистку. Сумароковой пришлось спастись от него, закрывшись в отделе писем.

Георгий Николаевич ломился в дверь и орал не своим голосом: «Вы должны мне открыть. Я – ответственный секретарь!» Успокоили его не скоро, поднеся стопку рижского бальзама. Это оказалось самой последней каплей, свалившей его с ног. На следующее утро он в парадном костюме вырос в дверях кабинета Лили и, приняв позу екатерининского вельможи, произнес: «Прошу меня простить!» Сумарокова, скрывая улыбку, кивнула и с удивлением услышала продолжение: «Хотя могли бы гордиться». Георгий Николаевич был так влюблен, что даже ничего не посмел сказать, когда Лилия объявила, что после брака фамилию мужа брать не собирается.

– Я – Сумарокова. И известной хочу стать под этой фамилией.

Георгий Николаевич не смог возразить.

Мужа своего Лилия держала в ежовых рукавицах, невзирая на то, что с самого первого дня их совместной трудовой деятельности он являлся ее начальником. Муж был вспыльчив и ревнив, как мавр, но, по сути, характер имел отходчивый, мягкий. И, что самое главное, он обладал тем качеством, которое так редко встречается в мужчинах и которое так часто ценится женщинами, – он был великодушен. Он умел прощать серьезные ошибки и почти не замечал мелких промахов. В семейной жизни это было залогом стабильности. Успехи жены, с одной стороны, его радовали, а с другой, заставляли нервничать. Особенно когда начальство, сплошь, понятное дело, мужчины, засыпало супругу комплиментами. Отдельной статьей, условно называвшейся «возмутители семейного спокойствия», проходили деятели культуры и искусства. Все герои, о которых писала Лилия в своих материалах, становились ее поклонниками. Это были седовласые преподаватели консерватории, начинающие пианисты, именитые актеры, прославленные певцы. Они, единожды согласившись встретиться с этой изящной, решительной женщиной, навечно становились ее поклонниками. Нельзя сказать, что Сумарокова некоторым из них не симпатизировала. Были и те, кто считал, что покорила ее. Но, увы, они, как правило, заблуждались. Если бы Лилия жила сейчас, то о ней можно было смело сказать, что она – сапиосексуал, ибо этот термин был придуман только в 2012 году и обозначал возбуждение от ума другого человека. Но Лилия пока жила в восьмидесятых, а потому обычно произносила:

– Нет, положительно, в дурака я влюбиться не смогла бы!

Влюблялась ли Сумарокова на самом деле – оставалось самой большой интригой. Понять поведение этой женщины не мог никто. Приветливость и общительность не мешали ей всегда держать некую дистанцию, которая сохранялась даже тогда, когда человеку казалось, что они с Лилей друзья. При этом дружила Лилия с мужчинами. С женщинами она соперничала, но так, как соперничают боги с простыми смертными – немного высокомерно, немного шутя, так, что всякому становилось понятно, в чью пользу будет счет этой борьбы.

О том, что Лилия Сумарокова кем-то увлечена, догадалась ее подруга Попова. Они встретились в открытом кафе во дворе Замка, чтобы поболтать о предстоящем свидании Поповой. Лилия сидела за столиком, откинувшись в плетеном кресле, положив ногу на ногу и покачивая носком в темно-синей туфельке. На ней было платье, напоминающее матросский костюм, волосы, как и положено, зачесаны наверх, взгляд темных глаз был серьезен. Она уже битый час слушала подругу. Та, запинаясь, рассказывала о своей любви и решимости отбить любовника у жены.

– Только вот не знаю, стоит ли пытаться? – Попова закончила рассказ и посмотрела на подругу.

– Как говорил небезызвестный Макс Отто фон Штирлиц: «Нас всех губит отсутствие дерзости в перспективном видении проблемы».

Попова от неожиданности уронила с ложечки кусок масляного крема – ее влюбленность сопровождалась страшным аппетитом.

– А кто это такой?

– Максим Исаев, – не моргнув глазом, ответила Лилия.

- Какой Исаев? – не поняла Попова.
- Который «Семнадцать мгновений весны».
- Ну, ты даешь!

– И потом, что ты в конечном счете хочешь получить? Ты хочешь любовника, или ты хочешь выйти замуж?

Это было абсолютно в духе Лили Сумароковой – обозначить проблему просто и ясно, задать вопрос без всяких там эфемизмов. После этого, как правило, следовал совет – и обычно неприятный в своей циничности.

Попова задумалась. Перед ее глазами был брак самой Лили. Брак, похожий на клуб по интересам. Лилю и Георгия объединяла профессия, интеллектуальные пристрастия, любовь к прогулкам по морю и еще куча подобных занятий. Их бросающиеся в глаза различия – Лилия была энергичным трудолюбом и экстравертом, а Георгий несколько ленив и по натуре был интровертом, казалось, были противовесами, и при всем при том ни у кого, кто знал их, не возникало даже сомнения в том, что эта семья все-таки основана на любви. Жест, взгляд, улыбка, обращенная к другому, – все это показывало искренность их отношений. Люда Попова понимала, что надо быть Лилей Сумароковой, чтобы отнестись к собственному браку как проекту.

– Видишь ли, – словно прочитала ее мысли Лилия, – семья – это что-то такое, что лежит в области иррационального. И прежде всего это касается собственных внутренних ощущений. Мы не верим, что можем стать президентом страны, и не верим, что нас сделают главным редактором большого толстого журнала (хотя вероятность этого велика и во многом зависит от нас), но почему-то верим, что будем жить долго и счастливо с одним и тем же человеком лет этак пятьдесят!

- Что ж в этой вере плохого?!

– В том, что она к реальной жизни не имеет никакого отношения. Впрочем, как всякая другая слепая вера. По моим наблюдениям, – Лилия достала сигареты и закурила, – в браке счастлив тот, кто относится к нему как к любимой работе – добросовестно, с душой. И тот, кто вынослив. Только эту выносливость нужно в себе воспитать. А потом, если ты заметила, у мужчин куча всяких других занятий, помимо нас и службы, а мы, тетки, все какие-то одинаковые и, как правило, занимаемся одним и тем же. Положение надо уравновесить.

- А как же счастье, мечта о нем?

– Да кто ж тебе запрещает быть счастливой и мечтать. Только горизонт планирования в этом смысле должен быть коротким. Тогда качественнее и счастье будет, и мечты реальнее.

Фразу о различиях в занятиях мужчин и женщин Лилия не сама придумала, эти слова давным-давно она вычитала у одного американского классика и очень хорошо запомнила. Там главный герой в ответ на упреки своей жены в отсутствии должного внимания, сказал, что интересы женщин ограничены, в то время как у мужчин не хватает времени сделать все, что, по его мнению, он хочет и должен.

– Многие считают, – донесся до Люды голос Сумароковой, – что вступить в брак – это почти что сменить веру или сменить пол – полностью перенять взгляды, привычки, пристрастия, точку зрения. А мне кажется, что брак только тогда будет приятен и долгов, когда каждый останется при своих интересах и не будет портить своей навязчивостью другому жизнь.

- Так не бывает. Это идеализм!

– Согласна с тем, что это редкость, но поверь, я нутром чувствую, что это единственная возможность сохранить брак. Если же ты не согласна или не способна на такую модель, тебя ждут тяжелые времена. Так что тебе решать, что с этим самым мужчиной делать. По мне, так переспи, а там посмотришь! Все, дорогая, я побежала, у меня еще две встречи, и в редакцию надо успеть, номер сегодня подписываю. А если честно, поступай так, как подскажет тебе внутренний голос. Он, собака, врет часто, потому мы, наверное, и ошибки делаем. Но с другой стороны, если ошибку можно исправить, тогда это ошибкой считать нельзя.

Подруга вдруг поняла, что все это время они обсуждали не ее проблему, а вопрос, терзающий саму Лилю. В ее горячности, в какой-то нервозности, несвойственной Сумароковой по определению, скрывалось что-то личное. Люда Попова отлично знала подругу – расспросы невозможны, о себе никогда и ничего она не рассказывала.

«Удивляюсь, как мы при этом ее свойстве столько времени дружим! И эта ее теория, эта «сумароковщина» – семья для женщины – та же самая карьера, ничуть не отличающаяся от карьеры обычной, деловой. И при этом ходят сплетни, во время ссор Лиля колотит посуду, а мирится с Георгием, надев прозрачный дождевик на голое тело и высокие шпильки. Впрочем, эти слухи распускают тетки из машбюро...» – подруга смотрела, как тонкая фигурка пересекла Замковую площадь, обогнула польский костел и свернула в боковую улочку.

Лиле надо было идти в другую сторону. Но, отлично осознающая все опасности маленького города, она намеренно пошла в сторону польского костела. Скрывшись за высокой стеной колокольни, она немного покружила на пяточке около широких серых ступеней с аллегорическими фигурами «Греха» и «Благословения», выждала минут десять и быстрым шагом пошла в обратном направлении. Только теперь ее путь лежал не через Замковую площадь, а по параллельной улице. Дойдя до высокого здания, она через деревянные ворота прошла во внутренний гулкий двор и нырнула в черный ход. По ступенькам она поднималась уже неспешно, но в этой неторопливости не было нерешительности, в ней было предчувствие счастья, которое, как известно, острее, чем само счастье.

– Ты все-таки пришла! А я почему-то сомневался. – Мужчина открывший дверь, впустил ее в узкий коридор, освещенный большим светильником – на стеклянном матовом плафоне сидел бронзовый лев размером с котенка. Мужчина прижал Лилю к себе, пытаясь поцеловать в губы.

– Не здесь, подожди, он подглядывает. – Лиля отстранилась и показала пальцем на бронзового льва; задев мужчину плечом, она прошла в большую квадратную гостиную. Обстановка комнаты была очень простой и очень стильной. Большая тахта на гнутых ножках, накрытая яркой шотландкой, и кресло рядом с такой же клетчатой подушкой, невысокий пузатый комод с часами, кучей безделушек и яркими книжками, углом стоял темный книжный шкаф со стеклянными дверцами, напротив – чванливый письменный стол с пузатыми выдвижными ящиками и золочеными замками на них. На стенах были развешаны акварели с изображениями старинных парусников. Под ногами, на светлом деревянном полу, лежали маленькие персидские коврики. Тонкий, загогулистый узор на них был разный, но цветовая гамма – бежевое, синее, красное, бирюзовое – была одинаковой. Не задернутые плотные шторы и белая кисея за ними создавали уют и пространство в этой заставленной мебелью комнате. Лиля прошла к креслу, по пути бросив сумку прямо на пол.

– Ну? – спросила она, забравшись в кресло с ногами. – Кофе пить будем?

Мужчина, волнение и смущение которого можно было угадать по несколько бестолковым движениям, вскинулся:

– Господи, да конечно, я уже все приготовил! – с этими словами он скрылся в глубине квартиры, которая, судя по всему, была не маленькой. Через какое-то время оттуда донесся звон чашек, ложек и его голос: – Я вчера специально купил. Ты же знаешь, это очень редкий сорт кофе. Хочу, чтобы ты его попробовала, а потом я тебе расскажу, как его выращивают.

– Хорошо, – донеслось до него.

Лиля, оставшись одна, встала с кресла, прошла по комнате, с интересом ее разглядывая. Она внимательно изучила парусники на акварелях, погладила рукой темное, немного потрескавшееся дерево барометра на письменном столе. Мелкие фарфоровые безделицы ее не заинтересовали, а вот ряд старых книг, которые с обеих сторон поддерживали подставки в виде медных пучеглазых индейцев, она внимательно изучила.

– Ты достал старого Вересаева? – прокричала она, обращаясь к шуму в недрах квартиры.

– Да, представляешь, несколько дней назад, в букинистическом магазинчике рядом с портом. – Хозяин дома появился в дверях с подносом, на котором стояли чашки, дымящийся кофейник и тарелка с печеньем. – Мне, считай, повезло – какой-то человек принес совсем недавно, они-то еще и оформить не успели.

– Ставь поднос прямо на тахту. Стола-то у тебя нет, – сказала Лиля, глядя на застывшего в нерешительности посреди комнаты хозяина.

Чувство неловкости, которое внезапно появляется между двумя людьми, заставило Лилию и ее собеседника преувеличенно сосредоточенно дуть на кофе, следить за тем, чтобы глотки были абсолютно бесшумными, а хрустящее печенье не рассыпалось в руках на тысячи мелких крошек. Квартирная тишина вдруг обступила их, сковав движения и удерживая их взгляды от соприкосновения.

– Это была, наверное, идиотская затея – пригласить тебя сюда. Мы ведь могли и в кафе пойти, и в ресторане пообедать, – наконец произнес Вадим Костин, глядя, как Лиля пытается выловить из чашки упавшее туда печенье.

– Не могли, сам знаешь. Об этом бы сразу узнал весь город. Ну так? Ты мне обещал про кофе рассказать.

– Какой кофе? – Вадим в недоумении поднял глаза.

– Который мы пьем, – Лиля наконец справилась с размокшим кусочком.

– Ах, ну да! Все очень просто. Кофе выращивают, собирают урожай, а потом скармливают маленьким зверькам, вроде белочек. Циветты, так их зовут, – тут Вадим вдруг смутился, – ну, понимаешь... ну, как тебе сказать...

– Да как есть, скажи. – Лиля наконец прямо посмотрела на Костина.

– Ну, они... – до Вадима только дошло, что, если бы эту историю он рассказывал в другой ситуации, она была бы грубовато-забавной. Но сейчас грубость бы резала слух, а детское слово «какать» было более чем неуместно. Костин, к своему удивлению, не мог найти удобную и приемлемую форму для данного рассказа. Лиля меж тем на помощь не приходила, хотя в сообразительности отказать ей было нельзя. Она по-птичьи смотрела из-под своей волнистой челки на него, и не один человек не заподозрил в этом почти наивном взгляде какой-то умысел. А он был. Лиля, наконец согласившись прийти на свидание с Костиным, испытывала не меньше смущения, чем он сам. Придя сюда, в его квартиру, она тем самым приоткрывала дверь в какую-то другую жизнь, которая до сих пор казалась чем-то мелкотравчатым: «Размениваться на романчик?! Это не для меня!» Но сейчас она поняла, что согласие прийти означало «да» в ответ на безудержное ухаживание Вадима Костина, как бы она себя ни обманывала. Лиля смотрела на него, почти физически чувствовала его смущение и не торопилась на помощь. Ей нужно было еще время, чтобы свыкнуться с мыслью, что они все-таки станут любовниками. Она смотрела на красивое, породистое лицо, на густые волосы, аккуратно подстриженные, на эту голубую, словно навеки отутюженную рубашку, на темные плотные джинсы. «Он почти безупречен. Он красив во всем, даже в этой нелепой позе, на этом диване, с этой дурацкой чашкой в руках. Я пришла сюда, я всегда знала, что я приду сюда. Я это понимала с самого первого дня, когда увидела его. Думать ни о чем другом я не буду – это бессмысленно, я уже все сделала, а мучиться угрызениями совести надо в другом месте – дома».

– Я, кажется, поняла, что ты имеешь в виду. Зверьки едят зерна кофе, они проходят через их пищеварительную систему, а готовый продукт собирают из их экскрементов. Обжаривают, упаковывают, и вот сейчас мы его пьем. Если не ошибаюсь, это самый дорогой кофе в мире? Да? Но, надо сказать, аппетит мне эта технология не испортила. – Лиля протянула чашку Вадиму. – Налей еще чуть-чуть.

Вадим некоторое время смотрел на протянутую руку. Потом взял из ее рук чашку, поставил на поднос, поднос поставил на пол, подсел к Лиле близко-близко и обнял ее за плечи.

– Очень странное ощущение. Я хочу тебя. Мне хочется наброситься на тебя прямо сейчас. Но мне страшно это делать – после этого надо сразу будет тебя вести в ЗАГС – разводиться, и тут же, чтобы ты не убежала никуда и никто тебя не увел у меня, жениться на тебе.

Лиля дернулась, что не укрылось от Костина. Он улыбнулся:

– У тебя реакция на ЗАГС, как у закоренелого холостяка. – Вадим хотел еще выразить удивление, как Георгию вообще удалось жениться на ней, но вовремя спохватился. Вспоминать сейчас о муже было неуместно.

– Это верно. Мне не нравится это заведение. Не люблю, когда чувства в соответствующую графу заносят. А потом, не волнуйся, может, мы не подойдем друг другу. Кстати, где у тебя душ?

– Какой душ? – Костин снял руку с плеча Лили.

– Обычный, с теплой и холодной водой.

– Ах да! Дверь в холле.

– Понятно, я – в душ. А ты убери этот поднос и достань потеплей одеяло. Прохладно тут у тебя.

– Так ты куда? – Костину вдруг отказал разум.

– В душ. А потом под одеяло на эту тахту. Надо же проверить, подходим мы или нет. – Лиля подхватила с пола свою огромную сумку и скрылась в недрах его жилища.

Костин на секунду замер, а потом кинулся исполнять приказание дамы...

Рассеянный молочный свет со стороны окна потускнел. Там, откуда доносился грохот трамвая, эхо человеческих голосов отскакивало от старых стен и разносилось по каменным колодцам дворов, заканчивался обычный день. Здесь, где двое обнаженных людей лежали поверх совершенно не пригодившегося им теплого одеяла, день и вообще время только начинались. Эти двое не были еще счастливы, они не осознали происшедшего, они не задумались о будущем. Они были только в начале своей истории, которая пройдет не только через их жизнь, но и через жизни тех, кто так или иначе с ними связан. Они только пробовали на вкус это маленькое новое счастье, тайное и оттого такое заманчивое и сладкое. Горечь же сегодняшних приобретений и горечь завтрашних утрат, которые сопутствуют такому счастью, – еще впереди. Сейчас, лежа на его плече, она зачем-то внимательно разглядывала небольшое родимое пятно и думала, что в этой жизни есть огромная несправедливость – счастье с одним человеком исключает счастье с другим. Лиля вдруг подумала о Георгии – неужели эта сегодняшняя встреча, этот день, это сильное, загорелое тело, эти руки и эти глаза превратят ее привязанность к мужу, тепло и великодушие, заботу о нем – в пустой звук, в фикцию? Ведь это все такое разное – то, что произошло сейчас здесь, и то, что происходит каждый день у них дома. Это нельзя сравнивать, это нельзя сопоставлять, и, уж совершенно точно, нельзя допустить, чтобы что-то одно исчезло. «Я не смогу без них обоих. Вот такая мелодрама», – подумала она. Вадим, прижимая ее к себе, размышлял о том, что надо бы постараться запомнить это ощущение, эту появившуюся душевную силу, которая, как свидетельство победы, вдруг наполнила его: «Это надо запомнить как следует... и записать об этом в дневнике».

Пужинать они решили здесь же, дома у Костина. Сидя на кухне за круглым столом, Лиля грызла красный сладкий перец и наслаждалась чувством легкости и беззаботности. «Кто мне ответит, почему такого чувства не бывает дома?! Почему дома, рядом с мужем, я не чувствую себя так свободно, почему у меня не получается наслаждаться каждой минутой, почему я словно та девочка из сказки – одну ягоду рву, на другую смотрю, третью – примечаю. Только вместо ягод у меня проблемы, дела, обязанности. Я сто лет не сидела так, ничего не делая и не о чем не думая. Впрочем, это не только у меня, это, наверное, во всех семьях и у всех любовников».

Костин быстро и умело накрывал на стол. Хлеб, масло, огурцы и помидоры – все на больших керамических тарелках – уже стояло на столе, а хозяин дома разделявал копченого угря.

Позже, глядя на то, с каким аппетитом Лиля ужинает, Вадим понимал, что все-таки это еще не победа. Сегодняшняя близость – это всего лишь уступка обстоятельствам. Лилю он еще не завоевал, а потому даже в душе, про себя, не мог назвать ее своей. Было в Лиле Сумароковой что-то такое, что делало ее неуловимой и недостижимой. Даже после сумасшедшей близости.

Стрелки часов показывали половину одиннадцатого, когда Лиля и Костин вышли на улицу.

– Я провожу тебя, уже темно.

– Можешь проводить, хотя я в этом не нуждаюсь, – храбро ответила Лиля. Она и в самом деле не нуждалась в провожатых – о ее отчаянной находчивости ходили легенды. Однажды Лиля умудрилась найти защиту у группы подвыпивших исландских моряков, которые бурно проводили вечер во время стоянки их корабля в Риге. Около двенадцати ночи Лиля после дежурства в редакции возвращалась домой. Шла одна, отказавшись от редакционной машины, Георгий был в отъезде. В тот самый момент, когда она пересекала темный парк у Театра оперы и балета, к ней пристал какой-то незнакомец. Мужчина был агрессивен, пытался схватить ее за руку, но Лиля увидела, что по улице, покачиваясь, вразвалку бредет группа пьяных моряков. На смеси английского и французского она попыталась объяснить, в чем дело. Так и осталось загадкой, поняли ли торопливую сбивчивую речь тоненькой девушки моряки, только к своему дому Лиля прибыла с эскортом бравых молодцов.

Костин и Лиля расстались за два квартала до ее дома.

– Возвращайся домой. Дальше я сама.

– Ты завтра будешь в редакции?

– Не знаю. Я позвоню тебе, – Лиля повернулась на каблуках и пошла в сторону своего дома. Через десять минут она стояла перед большими резными дверями своего подъезда. Подняв голову, она увидела свет во всех окнах своей квартиры. Это означало, что Георгий уже дома – он терпеть не мог полумрак, приглушенный свет и обожал яркое освещение. Лиля сделала уже было шаг, чтобы войти в подъезд, но потом раздумала, повернулась и присела на маленькую скамеечку около дома. Отсюда было хорошо видно, как Георгий подошел к окну, постоял, пытаясь разглядеть темную улицу. Потом окно приобрело красноватый оттенок – это опустились тяжелые бордовые шторы. Лиля сидела на скамеечке, курила и думала о том, что с этого момента она во что бы то ни стало должна сделать своего мужа счастливым человеком. «Будет несправедливым, если счастье достанется только мне. Тяжело это будет, но за свое счастье надо платить. И это самое маленькое, что я могу сделать для Георгия!» Некоторый цинизм подобного соображения Лилю Сумарокову не смутил.

Лариса Гуляева в который раз повторила напутствия и предостережения, торопливо поцеловала дочь, обняла Марите, помогла им подняться в вагон и стала ждать отправления поезда. Наконец, медленно, осторожно потряхивая металлическими суставами, поезд потянулся вдоль перрона. Лариса помахала рукой, немного прошла за вагоном, а когда стук колес превратился в монотонный, уносящийся куда-то в сторону гул, она прошла сквозь вокзал, вышла на площадь, перешла по подземному переходу на другую сторону улицы и оказалась на бульваре. Собственно, это не был бульвар в привычном понимании этого слова. Это был парк, вытянутый в одну неширокую линию и плавно переходящий в следующий, а потом в еще один, и в еще один.

Сейчас, оставшись одна, Лариса захотела пройти под липами и каштанами, где было меньше суеты, пахло свежей зеленью, а на скамейках отдыхали пожилые люди. Ей хотелось побыть в одиночестве. Наконец-то она решила отправить дочь к родителям. Мать с отцом

забросали ее письмами с просьбой привезти внучку. Лариса медлила, и на это было несколько причин. Ей не хотелось доставлять хлопоты родителям, хотелось доказать всем, что она сама и так справляется, хотелось заработать побольше денег, чтобы заодно отправить отцу и матери хорошие подарки. Но самое главное, ей страшно было расставаться с дочерью. За то время, которое Лариса прожила одна, без мужа, она поняла: дочь – это ее семья. Родители, конечно, тоже. Но дочь... Дочь – это то, что безраздельно принадлежит ей, что составляет ее будущее и является смыслом ее жизни. Лариса ловила себя на мысли, что каждый раз, добиваясь очередного успеха, она как бы ставила галочки в свой актив. «Я хочу, чтобы моя дочь мной гордилась!» – так отвечала она Марите, когда та упрекала ее в том, что работа заслонила всю остальную жизнь. Лариса, мысленно перебрав свои достижения, осталась довольна собой. В спешке будней у Ларисы не было особо много времени задумываться над своей жизнью. Только иногда, под вечер, когда она, усталая, присаживалась на краешек дочкиной кровати и в тишине детской комнаты перебирала события минувшего дня, совершенно неожиданно в ее душе оживало чувство вины.

Это чувство она обычно глубоко прятала. Но чем значительнее были ее успехи, тем чаще и настойчивее это чувство напоминало о себе. Сначала она пыталась его отогнать, объясняя все своей усталостью и раздражением, но время шло, девочка подрастала, и Лариса с обреченностью начинала понимать, что это чувство ее не покинет никогда. «Зачем я развелась с Айвором? Так ли это было необходимо? Не честнее ли и лучше для дочери было бы сохранить семью? Моя карьера? А что бы с ней случилось? Ничего. Все было бы точно так же, но у дочери был бы отец. И потом, вдруг со мной что-то случится? Что станет с ней? Родители и Марите – им много лет, и они тоже нуждаются в заботе...» – тревога заполняла душу Ларисы. Получалось, что обратной стороной решительности и самостоятельности оказывались страх и беспокойство за будущее близких, а также чувство вины перед ними.

За короткое время она стала популярной журналисткой. В редакции не осталось человека, который бы не оценил ее трудолюбие и упорство. «Газета вами гордится», – не уставал повторять на каждой планерке ответственный секретарь Георгий Николаевич.

Конечно же, до Лили Сумароковой ей было далеко. Лиля была богиней. Но наблюдательная Лариса подмечала некоторую поспешность, с которой Сумарокова бросалась писать о весьма сомнительных персонах и фактах. В этой поспешности она находила суетность, неумное стремление к славе и желание объять необъятное только затем, чтобы не досталось кому-то другому. В понимании же Ларисы, журналистское имя надо было делать неторопливо, вдумчиво и, главное, очень разборчиво.

Одиночество занятого человека – это совершенно особенное одиночество. Это одиночество, которое настигает в самые неподходящие моменты – когда дневная массовка наконец расступается, когда от усталости невозможно сомкнуть глаз, когда гудят ноги и болит голова, когда одолевает беспокойство оттого, что не успеваешь сделать все задуманное, когда ночь становится самым тяжелым испытанием. Одиночество занятого человека – это когда вокруг много приятных людей и когда некому рассказать свой сон и нет никого рядом, кто объяснил бы, отчего тебе иногда не спится. И когда некому тебя обнять, прижать к себе и некому дожидаться, пока сон не отгонит от тебя прочь все сомнения и огорчения. Лариса не посмела себе признать, что вот уже некоторое время она ни о ком не думает так часто, как о Вадиме Костине.

Отъезд домашних разом лишил ее, такую деловую, занятую своей карьерой женщину, смысла жизни. Оказалось, что ее единственным жизненным ориентиром были зеленые глаза дочери. Даже сейчас, почти бессознательно, из множества дорожек, которые бежали по этому парку, Лариса выбрала ту, по которой ее маленькая дочь вприпрыжку мчалась в песочницу.

Закончился один парк, на пути Ларисы встало красивое здание Театра русской драмы с белыми вензелями по фронтону. За ним начинался следующий зеленый бульвар-парк, сбегавший своими дорожками вниз к огромному круглому озеру. Это место в Риге было знаме-

нито тем, что в большом ресторане, располагавшемся на круглом острове в центре спокойной водной глади, происходили самые заметные события политической, культурной и, так сказать, светской жизни.

По вечерам у парка, на стоянке, припозднившихся гостей ожидали персональные авто и даже телохранители. Сюда же стекались самые красивые и модные девушки Риги с надеждой попасть на закрытое мероприятие и познакомиться с выгодным женихом. Отдельная категория девушек женихов не искала, но с удовольствием проводила время с гостями. Гости, как утверждала молва, платили за это долларами и немецкими марками. Лариса была здесь пару раз, когда писала об известном европейском политике, читавшем лекции в Латвийском университете. Лариса по узеньким мосткам дошла до островка. «Не самое удачное решение вопроса – хорошенько отужинав, рискуешь свалиться в воду!» – думала она, наблюдая, как внизу, среди водорослей, мелькали стайки мелкой рыбки. На летней площадке около ресторана стояли столики под большими цветными шатрами. За столиками людей было немного – в основном иностранные туристы и командированные. «Так, а не выпить ли мне здесь кофе? Позавтракать я не успела, передохну немного», – подумала она.

– Лариса! Гуляева!

Она повернулась и увидела за крайним столиком Вадима Костина.

«Слава богу, что мне идет румянец!» – дурацкая мысль мелькнула в голове и исчезла, поглощенная смущением.

– Лариса, присаживайтесь ко мне! Я только что приехал, вот решил позавтракать.

Лариса обратила внимание, что Вадим как-то нервно оглянулся, как будто кого-то искал.

– Спасибо, я тоже планировала позавтракать, да только не помешаю ли вам? – она кивнула на стол и чей-то второй прибор, который стоял на столе. «На чашке – помада», – почему-то ревниво отметила она.

– Нет, вы мне не мешаете. Лариса, а вы как предпочитаете завтракать – плотно или легкий «перекус»?

Лариса замешкалась – она вообще собиралась выпить кофе и, может, съесть какую-нибудь булочку. Во-первых, этот ресторан был не из дешевых, а во-вторых, она давно отвыкла есть по утрам. Но сейчас она почувствовала голод, ей понравился ресторан, на небе не было ни облачка – все это вместе плюс чрезвычайно обаятельный собеседник – и выбор был сделан в пользу бутерброда «Крок-мадам», сметаны с сахаром и кофе с молоком.

– Правильно вы решили, – одобрительно кивнул Костин, – «Крок-мадам» – это вкусно и элегантно одновременно. Крок, как известно, по-французски – «хрустеть». Бутерброд ведь должны поджарить, в конце концов. А я же, пожалуй, съем яичницу с ветчиной и сыром. Кофе буду черный, а к нему – имбирное печенье. Они здесь пекут самые вкусные. – Лариса понимающе кивнула головой – это печенье было и ее любимым лакомством.

Официант, ловивший каждое слово, подхватил взглядом финальный кивок Костина и исчез.

– Вот, теперь у нас достаточно времени, чтобы выкурить самую сладкую сигарету за день, утреннюю сигарету. – Костин потянулся за пачкой сигарет и зажигалкой.

– Вы наверняка не знаете, откуда произошло слово «никотин»?

– Не знаю.

– Я где-то читал, что вещество, выделенное из табака, алкалоид, назвали никотином в честь французского посла в Португалии Жана-Нико де Вильмена. Собственно, ученые-химики использовали только часть его имени, Нико. Правда, посол, обожавший курение и утверждавший, что табак помогает от зубной боли, заворота кишок и несчастной любви, жил в 1560 году, а вот никотин в чистом виде выделили только в 1828. Этот Жан-Нико, видать, всю плешь проел своим курением, если его имя в веках сохранилось.

Лариса рассмеялась. Костин замечательно рассказывал, лицо во время рассказа оставалось непроницаемым, на жесты он был скуп. В силу этого эффект от рассказа был сильнее. Еще Лариса обратила внимание, что он путается, называя ее то на «вы», то на «ты».

– Давайте перейдем на «ты», – предложила она.

– Отлично, – согласился он и добавил: – Но наша договоренность вовсе не означает, что я вам буду говорить «ты». У меня переход на «ты» происходит всегда очень сложно.

Лариса уже перестала смущаться и переживать из-за своего внешнего вида. Сегодня в утренней спешке она не успела уложить волосы, а заплела их в нетугую косу. На ней были индийские джинсы, случайно купленные в универмаге, на ногах спортивные туфли. Вид у нее был скорее дачно-походный. В Риге же, даже на взморье, в Юрмалу, поваляться на пляже обычно ездили в элегантных одеждах. «Ладно, что уж теперь тут. Как оделась – так оделась!»

Официант наконец принес им заказ. Поставив огромные сервировочные тарелки, он разложил столовые приборы, а буквально через минуту появилась официантка с тарелками чуть поменьше. На одной из них дымилась яичница с сыром и ветчиной, а на другой лежал огромный двухслойный квадрат поджаренного хлеба, между слоями которого розовела ветчина, а с боков свешивался краешек расплавленного сыра. Сверху это великолепие венчала яичница-глазунья. Лариса сглотнула слюну:

– Очень красиво, даже есть жаль.

– Ешьте, то есть я хотел сказать, ешь, «Крок-мадам» хорош горячим. Между прочим, если у вас в бутерброде еще окажется немного соуса бешамель, то уж совсем классический вариант, самый правильный, парижский. Но, впрочем, и без соуса, думаю, неплохо.

Сам Костин уже с аппетитом ел. Лариса аккуратно разрезала дымящийся зажаренный бутерброд. Костин был прав, во-первых, вкусно, а во-вторых, классика, с соусом бешамель. Несколько минут прошли в уютном, дружеском молчании. Оба с аппетитом поглощали блюда. Лариса искоса поглядывала на Вадима.

Они закончили завтракать и теперь сидели перед чашками с кофе. Костин опять закурил, Лариса, отказавшись от сигареты, блаженно жмурилась. Сюда, на этот ресторанный островок, наконец доползло солнышко. День стоял спокойный, такие в Риге случаются не очень уж и часто.

– Ты мне скажи, что же тебя занесло сюда, в эту часть города? Если, конечно, не секрет.

– Какой секрет?! Я просто гуляла.

– В рабочий день, ранним утром, спецкор почти центральной республиканской газеты просто гуляет, – Костин притворно нахмурился.

– Ага, просто гуляю, – Лариса сочла неуместным рассказывать про отъезд дочери. Костина это не касается.

– Впрочем, это одна из прелестей творческих профессий – несоблюдение режима дня. Я вот тоже... – Тут Костин запнулся, но Лариса этого не заметила. Она сидела и думала о том, что сейчас они встанут из-за стола, дойдут до выхода из парка, а потом разойдутся в разные стороны. На этом сказка под названием «Вадим Костин» для нее закончится. И вообще, эта встреча, этот разговор, этот завтрак – не более чем мираж. Ей стало грустно. Одиночество, которое она ощутила после отъезда родных, усилилось. По улицам она будет бродить одна, в магазин она пойдет одна, и дома ее никто не ждет. «Где-то я просчиталась. Мне плохо от одиночества», – Лариса почувствовала, что настроение испортилось...

– Ты что, меня не слышишь?! Ау?! И лицо какое-то плаксивое сделала. Так пойдем, или у тебя дела какие-то есть редакционные? – Костин внимательно смотрел на нее.

– Куда пойдем? – очнулась Лариса.

– Да куда хочешь, погуляем, потом где-нибудь перекусим, а?

До нее дошло, что он ей говорит. «Конечно же, согласна! Что тут спрашивать!» – подумала она, а вслух произнесла:

– Даже не знаю, столько всяких дел. Впрочем, давай. Надо себе и выходные устраивать.

Они решили, что сегодня будут ходить пешком. Никаких такси, автобусов, трамваев.

– Ты даже не представляешь, какой маленький город Рига. Из конца в конец, мы, конечно, имеем в виду Старый город, без новых микрорайонов, можно обойти за день, а то и за полдня. Смотря где и на сколько останавливаться. – Вадим шел рядом с Ларисой и рассуждал. – Между прочим, архитектором этого квартала был сам Эйзенштейн, отец режиссера Эйзенштейна.

– Ты словно экскурсию проводишь. Я знаю о Риге не меньше твоего. Я тут, можно сказать, с младенчества. Рига – мой родной город.

– Да, а я думал, что ты приехала сюда недавно.

– Почему ты так думал?

– Не знаю, мне так показалось.

Лариса пожала плечами. Как расценивать слова Вадима? Это комплимент? Что он имел в виду? «У меня на радостях мозг отказывает. Какого черта я задумываюсь над каждым его словом? Человек гуляет, просто разговаривает. Я же, как та старая дева, которая в каждом контролере, который предлагает купить билет, видит жениха». Лариса посмотрела на Костина:

– С тобой невозможно ходить по улицам – женщины просто глаз не отводят.

К ее удивлению, Вадим радостно расплылся в улыбке. «Вот тебе и барин, сердцеед, светский человек. А падок на такую ерунду. Ей-богу, ребенок!» – ей стало весело.

Галантность Костина – легенда журналистского мира – не позволяла ему оставить Ларису в покое. Дорогу они переходили под руку. Каждая, самая незначительная возвышенность под ногами заставляла его бережно поддерживать Ларису под локоть. Она смущалась от такого внимания – складывалось впечатление, что она самозванка и внимание Вадима ей достается по ошибке. Костин же был оживлен, постоянно смеялся, шутил.

– Ты какой-то сегодня удивительный, я тебя таким еще не видела.

– А мы с тобой не так часто встречаемся, – Вадим посмотрел на нее, как ей показалось, со значением. От его слов в ее недоверчивой душе что-то дрогнуло. А тут он еще прибавил:

– Я сам себя таким не видел и не помню. Это все, наверное, оттого, что я счастлив.

Вот оно. Неужели эти слова относятся к ней? Ведь он никуда не спешит – если бы она ему надоела или была бы неинтересна, он бы точно что-нибудь придумал, чтобы исчезнуть. А он, наоборот, придумывает новые маршруты, вспоминает, когда в зоопарке выходной, читает афиши:

– Смотри, концерт какой хороший. Московский оркестр приезжает, Верди исполнять будут. Хочешь пойти?

– Даже не знаю, – опять невпопад ответила Лариса, – концерт хороший, но я не одета и вообще.

– Лариса, концерт будет только через две недели. Тебе две недели хватит, чтобы одеться?

Она расхохоталась. Сейчас ей хватило бы и пары минут. Она не может ошибаться, он старается быть приятным, он ухаживает за ней. Ухаживает ненавязчиво, так, чтобы не поставить и себя, и ее в дурацкое положение. Это ведь она о нем почти все знает, вырезает его статьи из журналов и газет, следит за его поездками. Это она в него влюблена с того самого дня, как упала к его ногам и ногам виртуоза Самойлова. А Костин, наверное, думает, что у нее есть кто-то, поэтому так деликатен. А у нее никого нет. Кроме дочери, родителей и Марите. И его, Костина. Лариса отчетливо поняла, что вся ее жизнь в последнее время так или иначе связана с Вадимом.

– Через две недели? Хорошо, через две недели. Я люблю Верди.

Особо не задумываясь о маршруте, они шли по широким «буржуазным» улицам с доходными домами. Сворачивали во дворы, проходя их насквозь, удивлялись неожиданным архитектурным находкам, проходя мимо магазинов, разглядывали витрины.

– Смотри-ка, какая редкость!

Лариса оглянулась, Костин застрял у витрины большого антикварного магазина.

– Что ты увидел?

– Часы, наручные, очень старые.

Лариса подошла и увидела небольшие, мужские часы на старом красивом ремешке.

– Это редкость, им около ста лет. Но дело даже не в возрасте, дело в оформлении. Смотри, как сделан циферблат?! Видишь, на циферблате волнистый узор?

Лариса присмотрелась. Действительно, на больших наручных часах, что были выставлены в витрине, по всему циферблату проходили волнистые линии. Они почему-то ей напомнили вафельные тортики, верх которых был украшен точно так же.

– Этот узор называется «гильоше». Часы с таким циферблатом были у моего деда. Правда, непонятно, куда они делись.

Лариса и Вадим еще немного потоптались у витрины, а потом двинулись дальше.

Они прошли весь центр, заглянули на Бастионную горку, на которой, по преданию, делал привал Петр Первый, вышли к Пороховой башне, прошли по улице Вальню и вывернули за вокзалом к Центральному рынку. «Так странно, мой сегодняшний, такой длинный и такой необычный день начинался на вокзале, похоже, закончится он тоже где-то здесь неподалеку», – Лариса чувствовала усталость.

– Ты еле идешь? Ничего, сейчас мы будем обедать, а там дальше посмотрим. – Костин неожиданно ступил на проезжую часть и поднял руку. Такси появилось словно из-под земли. «Мистика! В Риге такси поймать сейчас просто немыслимо, а ему это за секунду удалось. Ждали его, что ли, здесь!»

В машине Лариса сбросила туфли и блаженно пошевелила ногами. На переднем сиденье Костин что-то по-латышски объяснял водителю. По рижским меркам ехали они долго. Лариса видела, что они по Понтонному мосту пересекли Даугаву, въехали в зеленый сосновый массив. Машина пролетела по небольшому, короткому шоссе и повернула направо, перед глазами Ларисы открылась удивительная картина. Не широкая, коричневатая от послеполуденного солнца, река петляла в зеленой низине и уходила куда-то вверх, по направлению к морю.

– Это Лиелупе? – Лариса прильнула к окну.

– Да, эта речка – Лиелупе. Видишь, она здесь еще узкая. Широкой она будет дальше, ближе к Юрмале, к морю.

Тут Вадим что-то опять подсказал водителю, машина прибавила скорости, проехала небольшой перелесок и остановилась почти прямо на берегу реки. Лариса с минуту подумала, а потом, махнув рукой, как была, босиком вышла из машины. Ноги провалились в нежный прохладный речной песок. Пока Костин расплачивался с водителем, Лариса огляделась. Она увидела небольшой причал с яхтами. Яхты были небольшие, они легонько покачивались на воде, и, если смотреть только на верхушки ихдвигающихся мачт, можно было подумать, что они, яхты, бегут куда-то наперегонки. На берегу было несколько строений из потемневшего дерева. Выглядели они как сараи и прочие хозяйственные постройки, в которые давно не заглядывал хозяин. Тем временем такси уехало.

– Ну, что? Нравится здесь?

Ларисе нравилось, только было не очень понятно, зачем они сюда приехали.

– Хорошо здесь, только пустынно.

– А разве это плохо?! В городе довольно людей, а здесь, за городом, они не нужны, – Костин улыбнулся, а у Ларисы заняло сердце. Улыбка была такая родная, такая обаятельная, принадлежавшая только ей, и никому больше. Ей нравилось, что вокруг них было пусто.

- Да нет, хорошо, тихо здесь.
- Пойдем обедать, – Костин взял ее под руку.
- А куда, здесь есть кафе?
- Есть.

Они подошли к одному из деревянных строений. На крыше, придавленной безветрием, полулежал флаг. На крыльце стояли старые пни, а в них цвели фиолетовые цветы. Широкая занозистая дверь была чуть-чуть приоткрыта, и в нее виден полумрак заставленного снастями помещения. Костин легко взбежал на крыльцо, решительно дернул дверь и держал ее, пока Лариса не вошла в прохладу, пахнущую соленой водой, песком, водорослями. За темными сенями, где стояли снасти, весла, сети и прочие лодочно-рыбачьи принадлежности, оказалась большая светлая комната, вся в сосновом дереве, с мягким светом. Здесь стояли низкие диваны, деревянные столы с холщовыми скатертями, удобные тяжелые стулья. На звук их шагов вышел огромный краснолицый человек.

– Зараза, ты, Костин, как принято говорить у вас, у русских. Ты сколько времени у меня не был?

Мужчины обнялись.

Через полчаса Лариса и Костин сидели за столом, перед ними стояли тарелки с жареной рыбой и салатом. Аппетит они нагуляли отменный, поэтому первые минут десять не перемолвились даже словечком. Все их внимание было поглощено мелкой, зажаренной в сухарях рыбешкой. Салат дожидался своего часа.

– Ох, как же вкусно, – наконец промолвила Лариса, переведя дух и оглядывая пустой ресторанчик. – Слушай, а что, мы здесь одни?

– Пока – да, но скоро приедут те, чьи лодки здесь стоят. Некуда будет упасть яблоку. Это же яхт-клуб. Причем очень старый, до революции еще был на этом самом месте. Течение реки здесь спокойное, удобная гавань. У меня много здесь друзей. А рыба хороша, оторваться невозможно. – Рыбешку он ел руками, аппетитно похрустывая маленькими, поджаристыми хвостиками. – А еще говорят, что салака – простая рыба. Да вкусней такой простой рыбы – поискать.

– А вот на салат меня не хватит, – Лариса посмотрела на огромную плошку с мелко нашинкованными огурцами, помидорами, укропом и бордовой стружкой репчатого лука.

– Ты посиди немного, отдохни. А потом и с салатом справишься. – Костин большой ложкой зачерпнул салат и с аккуратной жадностью отправил ее в рот. – М-м-м-м... Какая прелесть. Это просто сказочно.

От взгляда на него у Ларисы потекли слюнки. Она взяла вилку и подвинула к себе салатницу...

Чай, свежий, черный, они пили с кексом.

– Все, я даже не могу встать, – Лариса откинулась на спинку стула. Костин, прищурившись, как кот, смотрел на нее сытыми глазами и пускал кольца дыма в потолок.

«Как странно, он даже рыбу руками ест, как аристократ. Нет, как интеллигент, настоящих аристократов я почти не видела, – поправила себя Лариса, – носит смокинг, говорит по-английски и ест руками рыбу». Ее разморило, и она вполуха слушала Вадима.

– Нет, самый вкусный десерт – это аштарак. Восточная кухня по этой части вообще не отличается разнообразием. Все больше используют орехи, мед, фрукты. Так вот, вкус аштарака – сухофруктов, начиненных орехами – зависит от правильно выбранного сочетания. Например, в чернослив никогда не положат фисташки или кешью – слишком деликатный вкус у этих орехов. С черносливом используют грецкий орех, фундук. А вот с курагой или урюком – пожалуйста, кешью или фисташки.

– Откуда ты все это знаешь?

– Понятия не имею. Встречалось на моем пути...

– Пойдем походим, а то я сейчас усну.

– Пойдем, у нас есть еще немного времени.

– Ты спешишь? – Лариса очень не хотела, чтобы этот день заканчивался. Но усталость и здравый смысл подсказывали, что бороться с этим смысла не имеет.

– Нет, я никуда не спешу. Правда, надо один звонок сделать, но чем позже я его сделаю, тем лучше. Человек должен выспаться.

Лариса и Вадим вышли на берег. Река, успокоенная тихим погожим днем, была почти неподвижна.

– Какой сегодня длинный день, – Лариса прошла совсем немного и присела на перевернутую лодку.

– Устала? – Вадим остановился неподалеку.

– Ужасно. У меня день начался рано-рано.

– Какое совпадение, у меня сегодня тоже. Хотел статью написать, просили в «Обзор», но что-то стало лень. Выходные тоже должны быть.

– Согласна. Но сейчас мне кажется, что мы много и долго работали.

– Потерпи, сейчас Витас освободится, и поедем домой.

Лариса хотела удивиться, но сил на это ей не хватило. Она произнесла только:

– Вот скажи, как у тебя, простого смертного, так все просто получается? И в ресторанах лучших ты завсегдатай, и город знаешь, и в архитектуре разбираешься, и в яхт-клуб записан, хотя лодки у тебя нет? И такси появляются ровно тогда, когда тебе это надо? Может, какой-то секрет есть?

– Нет никакого секрета! Просто я общительный человек, у меня много знакомых и друзей.

– А такси? – Лариса дурачилась. Она устала и не хотела даже двигаться, а сидеть на перевернутой лодке было хорошо – ноги отдыхали в песке, прохладный, неподвижный воздух смешивался с речной тиной, из леса долетал запах нагретой сосновой хвои.

– Такси тоже. Но домой мы вернемся по воде.

– Это как?

– Сядем в лодку и доплывем прямо до причала у Замка. А там до твоей улицы рукой подать!

– Мы поплывем?! – казалось, сегодня удивить Ларису было невозможно, но Костину это удалось.

Через двадцать минут легкий моторный катер мчался в сторону реки Даугавы. Лариса и Вадим сидели на корме, на плечи Ларисы была накинута джинсовая куртка Вадима. «Как же я устала! Я даже не могу пальцем пошевелить», – подумала Лариса, и ее голова сонно опустилась на плечо Костины.

– Путешественница, просыпайся, мы приехали, – Ларису кто-то тряс за плечо. Она открыла глаза – такси стояло около ее дома.

– Ты сама-то доберешься до квартиры? – Вадим заглядывал ей в лицо.

– Да, конечно, – она улыбнулась, сонная, и неожиданно для себя поцеловала Вадима в губы, – спасибо тебе, это было просто великолепно.

Вадим на мгновение замер, затем мягко обнял ее и ответил ласковым поцелуем. Лариса вышла из машины и вошла в подъезд. Такси отъехало только тогда, когда в ее окнах зажегся свет...

Мягкий медведь занял всю ее подушку. Игрушечная толстенькая спина с округлой попой пристроилась к ее щеке и не давала нормально дышать. «Дочка, забери мишку, он мне мешает!» – Лариса проговорила это еще во сне и тут же вспомнила, что она в квартире одна. «Ах да, они же вчера уехали! И сегодня уже часа через три будут звонить, как добрались! А медведя она специально мне подсунула в кровать, я ведь не разрешила брать много игрушек».

Лариса бережно взяла медведя, положила его под бок и стала вспоминать вчерашний удивительный день.

Как порой случается, события слегка перемешались, а их значимость была несколько переоценена. «Что это было?» – десятый раз подряд за последние сутки подумала Лариса. И точно так же, как и вчера, попыталась честно ответить на свой вопрос: «Так, просто провели время. А что, ему не с кем его проводить? Добрая половина женского населения Риги сбегится, помани он только пальцем. Нет, конечно, мы знакомы, можно сказать, вместе работаем, он мне помог в истории с Самойловым. Но ведь это же не основания для такого совершенно однозначного флирта. А я его, дура, в губы поцеловала!»

Ее утреннее настроение было похоже на дачные грядки – сорняки, то есть сомнения, появлялись откуда ни возьмись. Лариса заерзала под одеялом – вчерашний поцелуй был от души. Она была благодарна ему за такой чудесный день, за внимание и заботу о ней, наконец, за деликатность. Лариса оценила его сдержанность – ни одного личного вопроса или намека. Хотя она могла бы ему рассказать о своей семье, дочке, о том, как развелась с мужем. Вадим Костин, с его полным отсутствием даже намека на пошлость в обращении с людьми, был благодарным слушателем. Но она не решилась, поскольку сама не знала, как теперь оценить свои прошлые поступки. Но вчера и без ее откровений было достаточно личностных моментов. Ларисе на минуту показалось, что минувший день вполне может считаться началом отношений, пусть не однозначно любовных, но тесных дружеских. Впрочем... На дружеское поведение это тоже мало смахивало. Она вспомнила, как Костин держал ее за руку, как смотрел на нее за столом, как заботливо укрывал курткой на катере. «Мне что, десять лет! Я не могу отличить обычную вежливость от ухаживаний?!» Перед тем как встать с постели, Лариса Гуляева пришла к определенному выводу – она Костину нравится, вчера он ухаживал за ней, и от нее зависит то, как дальше будут развиваться их отношения. Придя к такому выводу, она расслабилась, раздумала вылезать из постели и решила пойти на работу к трем часам. «Ничего, я корреспондент, специальный, мне и поспать полагается!» – думала она. Но заснуть ей не удалось. За чередой воспоминаний о случившейся прогулке последовали мелкие противные соображения. «О чем мы с ним разговаривали?» – мусолила Лариса. И сама себе внезапно отвечала: «А ни о чем! Если вспомнить, то ничего серьезного, умного, весомого... Все разговоры о пустяках, Причем говорил в основном Костин». Лариса привставала в постели, как будто эта поза могла помочь ей расшифровать происшедшее.

В душе Ларисы летали качели – от восторженного замирания до неприятно-реалистического раздражения. Она вспоминала, что за весь день настроение Костина почти не менялось, только временами на него находило как-то ребячье озорство, как будто он о чем-то вспоминал, и это делало его безумно счастливым.

В редакции Гуляева появилась в четыре часа дня. Она застала ту самую суету, которая предвещает окончательную сдачу материалов, разработку макета и подписание свежего номера газеты. В отделе информации она увидела только Лену Пестик, которая что-то ворчала, правя свой текст.

– Что, секвестрируем? – пошутила Лариса.

– Не то слово, половину газеты оставили под какую-то «информационную бомбу» от Гунара. самого «бомбиста» нет и не будет больше месяца. Материалы будет присылать с курьером. Там, понимаешь ли, «репортаж с внедрением».

– Понятно, – разочарованно протянула Лариса, – а с чем связано-то «внедрение»?

– В курсе только ответственный. Знаю, что вопрос решился давно, Гунар поэтому уже три недели в отпуске. Чтобы правдоподобней все было...

Лариса вспомнила, что Гунар что-то такое говорил про какую-то контору, за которой давно уже наблюдает. Но она тогда слушала не очень внимательно – свои дела, дочка и, опять же, Костин.

– У нас отдел что-то совсем пустой, – бросила в воздух Лариса.

– Ребята на заданиях, а Сумарокова в командировке. Вчера в четыре часа утра уехала, уж не знаю почему, но только Илга предложила ей взять редакционную машину, а та отказалась. Георгий-то, сама знаешь, в Москве, – Лена оторвалась от своего материала, – уж не знаю, кто отвозил Сумарокову в три часа ночи на вокзал!

«Вокзал, опять вокзал – видимо, у всех вчера был день расставаний!» Лариса постаралась избавиться от подозрительности. Ей на минуту показалось, что именно Костин отвез на вокзал Сумарокову. Иначе почему он так рано оказался в ресторане, почему он повторял, что почти не спал ночью, почему он говорил, что очень счастлив?! Все это промелькнуло у нее в голове, но потом она себя одернула: «Вряд ли, почему он тогда не отправился домой спать?! А предложил мне прогулку на целый день!» Успокоив себя таким образом, Лариса еще немного покрутилась в редакции, отвлекая дежурных от их хлопот, и покинула редакцию в совершеннейшем душевном беспорядке.

«Славная она, и лицо такое хорошее, правильное, и фигурка. Все есть, но... ничего нет, – думал Вадим о вчерашнем дне. – Да, на фоне Лили все меркнут и кажутся «беззубыми», что ли. Как она на меня смотрела? словно Дюймовочка на крота, безропотно. В ней чувствуется какая-то безграничная преданность. Если бы я захотел, мог бы воспользоваться правом «красивого человека», – думал Вадим о вчерашнем дне. Была у него такая теория, которую он озвучивал в тесном кругу близких приятелей. От этой теории пахло дешевым нищезанятием, но самому Вадиму она очень нравилась.

– Видите ли, красивые люди – это особая каста. Им позволено все или почти все. Они не рискуют оказаться смешными или жалкими, они без страха и сомнений предъявляют свои права, будучи совершенно уверенными в их законности. Представьте себе некрасивого мужчину, который вздумал ухаживать за красивой женщиной. Он будет жалок! Красивый мужчина в этой ситуации станет героем, поскольку обречен на успех, даже в случае неуспеха. Красивым людям удастся все – и власть, и творчество, и жизнь! И, что самое любопытное, красота определяет их мировоззрение. Она формирует их психологию, психологию победителя.

– Тем не менее в Спарте тебя бы сбросили со скалы еще в младенчестве, – как-то заметил его приятель.

– Это почему же? – встрепнулся неприятно удивленный Костин.

– А у тебя верхний правый клык криво сидит!

Этот небольшой изъян в практически идеальной внешности Костина не портил. Более того, придавал ему некоторую мужественность и обаяние.

Костин лелеял свою теорию и обожал проверять ее на практике. Вот и сейчас он был уверен, что, попробуй он соблазнить Ларису Гуляеву, несомненно, в этом преуспел бы. Размышления на подобные темы совершенно не противоречили, как ему казалось, прочному чувству к Лиле Сумароковой. Ночь, проведенную с Лилей, он не забыл, как не оставил свои планы увести ее от Георгия. Что же касается этической стороны подобных взаимоотношений – то он был согласен с классиком: «Закат старой морали – это когда она еще способна мучить нас, но уже не способна поддерживать!»

Вадим сидел у окошка на заседании публицистов, слушал, как обсуждаются насущные проблемы, и скучал. На эти заседания он ходил исключительно для сбора материала – здесь встречалось столько типажей, описывая не хочу. Вот, например, Замиекс. Бывший педагог, как он себя называл, а на самом деле учитель труда из Резекне. В жизни никогда ничего не писал, до тех пор пока в их школу не приехало местное начальство из гороно. Начальству, помимо всего прочего, показали табуретки, сделанные учениками под руководством Замиекса. Начальству поделки понравились, и оно решило на одной из них посидеть. Под толстой дамой табуретка сломалась – то ли на этот вес изделие не было рассчитано, то ли дерево было трухлявое, то

ли крепеж недостаточно прочный. Тетку из гороно поднимали всем миром, а Замиекса стали потихоньку выживать из школы, намекая на его любовь к «темному рижскому». Вот в этот-то час в нем проснулся публицист. Замиекс стал не только жаловаться на несправедливость, он принялся писать в газеты и журналы. Что удивительно, его гневные письма сначала печатали в рубриках «Читатель прислал письмо» или «Откровенный разговор», а потом и вовсе как самостоятельное произведение. Замиекс сначала писал о проблемах школы, потом перешел на проблемы воспитания подрастающего поколения. Сейчас Замиекс считался одним из ведущих публицистов республики, который освещал темы исключительно гражданского или политического толка. Ни одна телепередача, ни один «круглый стол» не обходились без этого бывшего учителя труда. Костин слушал, как Замиекс важно вещал о задачах публицистики на «текущий, сложный, противоречивый и полный перемен период» и делал пометки в своем блокноте. Замиекс, от которого не укрылось это движение, гордо расправил плечи – ведь не каждый день такая звезда, как Вадим Костин, конспектирует его, Замиекса, выступление. Но Костин и не думал записывать за председателем секции его благоглупости. Он, по обыкновению, делал заметки к своей книге.

«Клубок сплетен», или, может быть, она будет называться... Вадим не знал, как он назовет свою первую книгу. Да и, собственно, это было не так важно – Вадим был из тех, кто прежде всего думал не о форме и оформлении, а о сути. А суть была такова – жизнь многообразна не явлениями, а характерами. Вадим, помня из курса советской литературы, что основа – это люди, в своей первой книге хотел нарисовать характеры, и, уже как следствие, судьбы, этими характерами обусловленные. Костин не расставался с блокнотом, неустанно фиксируя происходящее вокруг. Официанты, таксисты, просто случайные собеседники, не говоря уже о людях, с которыми он сталкивался по роду своих занятий, – все они теперь становились изучаемым материалом. Впоследствии, через много лет, Костин так и не смог найти ответ на вопрос, зачем он тогда написал и издал такую книгу. Сейчас же хотелось немного скандальной славы и оголтелого читательского внимания.

Работа секции публицистов заканчивалась в баре Дома писателей. Все уже достаточно устали, чтобы всухомятку обсуждать насущные проблемы и слушать менторство председателя. Костин решил не оставаться и стал спускаться вниз. На лестнице его окликнули:

– Вадим!

Лариса Гуляева в открытом ярком сарафане и в босоножках на шпильке стояла в фойе у афиш.

– Привет, как ты? Выспалась? – Вадим удивился тому, как Лариса изменилась – она казалась тоньше, загорелые плечи матово блестели под желтоватыми лампами фойе, лицо с румянцем было совсем детским. – Вчерашний день тебе пошел на пользу!

– Ну да, свежий воздух полезен всем. А ты куда?

Вадим вместо ответа неопределенно развел руками.

– Может, кофейку попьем, а то у меня с утра столько всяких хлопот было. – Лариса врала и старалась не прислушиваться к биению своего сердца.

Костин посмотрел на часы. До встречи с Лилей Сумароковой еще было два с половиной часа. По рижским меркам и с рижскими расстояниями – целая вечность. Он перевел взгляд на Ларису и согласился:

– С удовольствием, и даже не буду спрашивать, как ты здесь оказалась и что ты здесь делаешь!

Лариса смущенно и счастливо рассмеялась.

– Ты пробовала коктейль «Гарибальди»? Нет?! Господи, какой пробел в твоём образовании! Я сейчас тебе расскажу, как его делают. Берут кампари, можно красный вермут, апельсиновый сок и дольки красного апельсина. Все смешивают, можно со льдом, можно – без.

– У меня два вопроса. Первый – почему «Гарибальди», а второй – а если не найдут красные апельсины?

– Относительно названия – ничего сказать не могу. Коктейль красный, может, это потому, что сторонники Гарибальди носили красные шарфы? А апельсины можно взять любые... Обрати внимание, как у него сложен платок в нагрудном кармане? – Вадим еле заметно кивнул в сторону известного оперного певца. – Отец рассказывал, что его приглашали в Европу, он отказался. В пятидесятые слыл самым известным франтом.

– А что удивительного в этом платке?

– Да, собственно, ничего, просто метка времени. Дело в том, что так платки складывали в сороковых-пятидесятых годах. Не уголком, а узкой полоской. Моду ввели американские ведущие актеры, называется она – TV Fold.

Лариса посмотрела на высокого седого мужчину, сидевшего в одиночестве на мягком диване. На столике перед ним стояла чашка кофе и рюмка с рижским бальзамом. Одет он был в толстый твидовый пиджак, лацканы которого свидетельствовали о времени его пошива. Во-первых, они были широкими, такие уже не шили лет тридцать, а во-вторых, они были немного замаслены. Но из нагрудного кармана этого видавшего вида пиджака торчала белоснежная полосочка.

Лариса вернулась домой и, лежа на тахте в своем любимом сарафане, вспоминала подробности встречи. То, что она выглядела прекрасно, – в этом у нее не было сомнений, она по глазам Костина это видела. Он не сводил взгляда с ее загорелых плеч и груди. То, что на этот раз она была разговорчива, остроумна и кокетлива, – тоже не требовало подтверждения. То, что Костин был галантен и мил, – и с этим спорить не приходилось. Оставалось несколько моментов, которые ей сейчас хотелось прояснить. Почему он так часто смотрел на часы, что стоит за его ласковым поцелуем на прощание и куда он помчался сломя голову, как только пробило восемь часов вечера? Лариса сначала сосредоточилась на поцелуе. Костин целовал ее ласково – осторожно прикасаясь к ее губам, не настаивая, но при этом как-то неотвратимо. За такими поцелуями следует долгое молчание и ожидание поощрения, эти поцелуи как прелюдия к отношениям, откровенным и страстным. Но почему он так часто смотрел на часы и так быстро уехал?

«Как хорошо, что мы с тобой сегодня увиделись! Не пропадай! – Он встревоженно посмотрел по сторонам и против обыкновения не стал ловить машину, а добавил: – Ты сама доберешься, у меня пятнадцать минут до встречи?!» И быстрым шагом пошел в противоположную сторону.

Она добралась сама. Ей было приятно идти через оживленный яркий город. Она шла и несла на себе печать «отношений», печать «свидания». Это добавляло ей обаяния, уверенности и смелости. Мужчины провожали ее взглядами, женщины завидовали, раздражась от ее самоуверенности.

Лариса решила, что ничего сегодня делать не будет. Она займется мелкими, приятными дамскими делами – разберет юбки и платья, достанет и рассортирует туфли, сумки, платки. «Завтра хочу надеть синий костюм. Он меня еще в нем не видел», – подумала она, и ей стало ясно, что завтра она опять будет искать встречи с Костиным. О дочери она подумала поздно вечером, когда засыпала: «Интересно, как он будет к ней относиться? С Айвором Вадим всегда найдет общий язык – он слишком хорошо воспитан, чтобы ревновать или объявлять бойкот. Дура я! Только поцеловались, а я уже о таких подробностях думаю». Испугавшись своей самонадеянности, она стала думать о том, что истории между мужчиной и женщиной имеют всего три-четыре сценария, ничего нового уже никто не придумает, но характеры участников событий окрашивают истории в совершенно разные тона.

Женщина мечется между чувством и чувством долга. Эти «ножницы» порой режут поживому, не оставляя надежды на компромиссы, потому что компромиссов здесь быть не может. Женщина, будучи по натуре существом, склонным искать во всем согласия, даже эту безнадежную ситуацию старается привести к одному знаменателю. Но, убедившись, что это невозможно, она делает выбор. И этот выбор чреват такими муками, что думаешь, а не лучше ли предоставить свою судьбу случаю и обстоятельствам. Как это ни странно, но этот, с первого взгляда безответственный и слабovolный, выбор свойствен натурам как раз сильным. Им хватает терпения и выдержки, силы воли и осторожности не принимать решения в состоянии любовной горячки. Большая часть почитает за героизм насилловать ситуацию волевыми и крайне болезненными для окружающих решениями.

– Я ухожу от мужа! Я – влюбилась! – провозглашает одна, совершенно не заботясь о том, что ее скорое, принятое под влиянием минуты решение доставит массу огорчений и хлопот ничего не подозревающей второй половине. Если бы влюбленная жена хоть на минуту «притормозила», то очень скоро выяснилось бы, что муж гораздо приятней, чем этот полужнакомый мужик с неизвестными тебе заморочками, претензиями и шлейфами воспоминаний о том, как кто-то ему варил вкусную манную кашу. И спрашивается, «на кой черт вам эти галеры»?!

В то время как Лариса размышляла о трудностях выбора, Лиля Сумарокова тихо радовалась тому, что она свой выбор сделала, и об этом обстоятельстве твердо и непреклонно сообщила некоторым заинтересованным лицам. Сейчас она наслаждалась утренним кофе за большим круглым столом в своей гостиной. Напротив нее сидел муж Георгий, который в одной руке держал раскрытую свежую газету, в другой – вилку с пышным омлетом. Притворяясь, что читает газету, он пытался разгадать причину внезапного увлечения его жены французской кухней и кухней вообще. До недавних пор Лиля вообще никогда не проявляла никакого интереса к домашней стряпне. Более того, она всегда проводила в жизнь принцип «Не теряй время за едой!».

– Господи, мне две статьи надо сдать, колонку в журнал и одно интервью, а ты хочешь, чтобы я холодец варила! Ты с ума сошел!

Георгий Николаевич вздыхал и отправлялся в кафе «Флора» есть мелкокрошенные мясные волокна в трясущейся субстанции. Но так было два месяца назад. Теперь же в доме все обстояло иначе.

– Как ты смотришь на рыбу а-ля Провансаль?

– Лилечка, а это как?

– Маойнез, травы, лук-шалот, сыр, – отвечала жена.

– А рыба там есть? – недоверчиво спрашивал муж.

– Конечно, во всяком случае, в рецепте она указана.

Рыба по-провансальски, мясо в горшочке, голубцы в соусе «цадик» – чего только не перепробовал за это время Георгий Николаевич. Он ел, удивляясь тому, что Лиля стала проводить столько времени на кухне, тому, что почти каждое утро она вставала теперь на полчаса раньше (а всегда было наоборот, он просыпался первый, и в его обязанности входило приготовление завтрака), варила кашу, жарила яйца и взбивала омлет. Она была ласкова, предупредительна и страшно сексуальна. Георгию Николаевичу казалось, что они переживают второй медовый месяц. Причем этот второй месяц был не в пример приятней того, первого, когда капризная молодая жена устраивала истерики по каждому ничтожному поводу, надеясь таким образом победить в войне разногласий на уровне ценностей: «Твоя рыбалка – это полная чушь! Я предпочитаю что-нибудь более интеллектуальное, например чтение книг». Сейчас же Лиля его удивила, привезя ему из командировки подарок – поплавки и какую-то импортную леску.

– Вот, случайно увидела, может, пригодится тебе.

Тот вечер, после первого свидания с Костиным, когда она дала себе обещание сделать мужа счастливым, она помнила очень хорошо. Прошло два месяца, за которые деятельная

Лиля почти полностью перекроила семейную жизнь. В доме стало пахнуть пирогами. Каждую субботу у них бывали гости – исключительно друзья Георгия. «Мормышка», «блесна», «подсекать» – эти слова звучали в их доме все чаще и чаще.

– Ты спокойно можешь отправиться на рыбалку, ничего за выходные здесь не произойдет, – говорила Лиля мужу.

Георгий подозрительно смотрел на нее, но она тут же добавляла:

– Я, пожалуй, поеду с тобой. Свежим воздухом не мешает подышать и мне.

И она ехала и орала не своим голосом, когда муж вытаскивал тщедушную сельдь, и пила, не морщась, чай со смородиновыми листьями (тогда как из напитков всегда признавала только кофе), и спала в машине, скрючившись на заднем сиденье, поджав под себя промокшие ноги.

В спальне Лиля восхищала мужа абсолютно развратным поведением. На смену действительно существовавшему прозрачному дождевику, пришли ярко-красные сапоги на шпильке и ярко-красный пеньюар.

Георгий Николаевич пребывал от всего этого в удивленно-радостной настороженности.

Лиля наслаждалась и его удивлением, и тайными страстными встречами с Вадимом, которого она держала в напряжении своей независимостью, и тем, что она смогла каким-то невероятным образом примирить чувство с чувством долга. Своему любовнику Костину она так и сказала:

– Видишь ли, один литературный герой, обращаясь к жене, сказал: «У меня в жизни есть только ты, маменька и Вольтер!» Так вот, у меня есть работа, муж и ты. Именно в такой последовательности.

Костин крепко и зло задумался.

Надо сказать, что именно в этот период Лиля Сумарокова написала свои лучшие материалы и получила предложение от издательства выпустить книгу очерков.

Было еще одно обстоятельство, которое несколько облегчало положение Лили – у нее не было детей, и потому чувство долга распространялось только на одного человека, мужа Георгия, человека взрослого, самостоятельного и зависящего от ситуации ровно настолько, насколько он считал нужным зависеть.

Лариса Гуляева не имела мужа, но имела дочь, и поэтому ее положение было серьезнее. Чувство, которому она отдалась безоглядно, входило в резкое противоречие с чувством долга. Став тенью Костина, растворившись в его жизни, она в конце концов ограничила общение с дочкой обязательным эмоциональным материнским минимумом, а потом стала испытывать самое страшное чувство, которое может испытать женщина, – чувство вины перед ребенком. В чем конкретно она виновата, ей было сложно сформулировать, более того, она уговаривала себя, что если вдруг свяжет свою жизнь с Костиным, то дочь от этого только выиграет. Она себя убеждала, что ею движет забота о будущем дочери. «Во-первых, у нее будет полная семья. Костин умен, образован, отлично воспитан – не это ли лучший пример для подрастающего ребенка. Он обладает авторитетом, известен. Наконец, он из хорошей семьи, не пьет», – Лариса уговаривала себя и скатывалась в душевное рабство. Она так была влюблена в Костина, что отказывалась признавать очевидные вещи. У нее перед глазами стояло их первое настоящее свидание, которое состоялось у нее в квартире.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.